

В ВИХРЕ ВРЕМЁН

ДИВЕРСАНТЫ ВРЕМЕНИ

Поле битвы – Вечность

Алексей МАХРОВ

Алексей Махров
Диверсанты времени.
Поле битвы – Вечность
Серия «Диверсанты времени», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633385

*Диверсанты времени. Поле битвы – Вечность: Якуза : Эксмо; М.:; 2010
ISBN 978-5-699-44681-0*

Аннотация

Грандиозная хроноопера от автора бестселлеров «Спасай Россию!» и «Хозяин Земли Русской!». Диверсанты времени против хронокарателей! Беспощадная схватка за былое и грядущее. Поле битвы – Вечность!

Испытав машину времени, наши современники не сразу осознают, что во вражеских руках она может стать оружием массового поражения, что каждая экскурсия в прошлое превращается в разведку боем за линией Вечности, а вмешательство в историю рискованнее любой диверсии.

Но русские диверсанты времени принимают бой – и в 1941 году, и в 1918-м, и в 1605-м. Они пустят под откос ущербную реальность и несправедливый миропорядок! Они обезвредят мины, заложенные врагами под наше прошлое! Они не позволят

хронокарателям превратить русскую историю в череду Смут, революций и катастроф!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	20
Глава 2	36
Глава 3	44
Глава 4	52
Глава 5	58
Глава 6	70
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Алексей Махров

Диверсанты времени.

Поле битвы – Вечность

Посвящается трагически погибшим Михаилу Аскольдовичу Косареву и Игорю Горынычу Тюрину. Они навсегда останутся в памяти друзей и на страницах этой книги.

Пролог

– Давай-ка, Витек, наливай еще по одной, а я тебе историю одну расскажу, которая случилась со мной в сентябре сорок первого... Ух, хорошо пошла! Ты закуси, закуси – это мериканские сосиски, их только летчикам да генералам в пайке дают! Ну, так вот... Войну я встретил на Украине, сражались мы хорошо, отступали только по приказу, командовал нами Рокоссовский – мировой мужик, я тебе доложу! И что характерно, особистов и чекистов ненавидел лютой ненавистью, хотя на открытый конфликт, конечно, не шел. Ну, были у него причины, перед самой войной сидел он... За что? Ну, за что у нас перед войной сажали? Понял? Сам ты, Витька, враг народа! Если бы у нашего народа такие враги были бы, то ему бы и друзья не понадобились! Кому? Да, блин, наро-

ду! Что ты меня путаешь? Я сам запутаюсь! Хе... Уже запутался! Ладно, давай еще по половинке и перекурим.

С чего я начал-то? А! История, что произошла в сентябре! А я что говорю? С кем войну начал? Ну, стало быть, издалека начал! Хе... Хороший табачок, говоришь? Дык, тоже мериканский! Вот чего у союзников хорошо – так это снабжение! Лучше бы второй фронт открыли? Да уж! Я согласен без сосисок и табака остаться, но чтобы фашистских гадов вместе били! Ладно, опять я отвлекся... Так, значит, начал я войну на Украине, воевали мы хорошо, но из-за дурости начальства попали мы в котел всем фронтом. Да, ты прав – под Киевом это было! Ну и когда выходили из окружения, зацепило меня осколком. Да так хорошо зацепило – в грудь навывлет! Спасибо ребятам из взвода, вытащили-таки к своим! Провалился я тогда в госпитале, а после выздоровления поставили меня командовать ротой ополченцев. Резервный фронт... Да... Хотели для немцев непреодолимый вал создать, только немцы, чтоб им пусто было, тоже не дураки, обошли нас, так что история с окружением повторилась. Да, Витек, ты прав, тот самый Вяземский котел. Но это уже другая история. А та, которую я тебе рассказать пытаюсь, произошла в самый первый день немецкого наступления.

Ну, готовлюсь я, значит, к обороне, муштрую своих ополченцев. Причем в моей роте сплошь творческая интеллигенция была. Даже писатели и композиторы попадались! Муштрую, значит, а тут в расположение роты гости приезжают –

корреспонденты из Москвы. Какой газеты, спрашиваешь? Вот черт, не помню, то ли «Правды», то ли «Известий». Ну, в общем, одной из центральных! Вот... Приехали два молодых мужика – политруки, старший и младший... С ними шофер при «ЗИСе» и дамочка красоты неопишуемой – артистка. И хотели эти корреспонденты статью о моих бойцах накатать, мол, вот, смотрите, товарищи, воюют все, даже писатели и композиторы, никто в тылу не отсиживается! Это чтобы другим в пример! И все бы ничего, но приперся с корреспондентами особист наш полковой – Левкович. Гнида редкостная! Пока мы к обороне готовились, он, сука, все по ротам шастал, вынюхивал. Несколько десятков человек потом взяли. Как за что? Они придумают, за что! Был бы человек, а повод найдется! За невесторженный образ мыслей! Да... Так вот, корреспонденты... Приехали, значит, ну и давай лазить по окопам, фотографировать да выспрашивать, кто из красноармейцев кем до войны был. Вот... Целый день лазили, а вечером я их в свою землянку пригласил. Посидели, выпили... Простые мужики оказались, не гордые... Коньяк свой на стол выставили да закуску всякую, что из столицы с собой привезли. Артистка эта нам песни пела, романсы там всякие. Э, нет!!! Что-то я вперед малость забежал, эти посиделки уже после боя были! Вспомнил, днем они лазили и обедать ко мне в землянку пришли. К тому времени Левкович уже смылся куда-то. Как чувствовал гад, что скоро начнется... Ну, ладно... На чем я остановился? Так, обед... Да, а я гово-

рил, что они мужики простые были? Говорил... Пообедали супом из концентрата! И ничего – никто даже не поморщился! И только мы закончили суп хлебать – тут все и началось! Немцы артподготовку начали. Ну, так себе сабантуй, средненький... Может, дивизион по нам лупил, может, два... Мы к такому готовились и в землю врылись основательно, так что я за своих людей особо не беспокоился. Успел им таки в голову вбить, что как загрохочет – прикинься ветошью и не отвечивай! А корреспонденты эти как-то странно удивились! Нет, Витек, не самому обстрелу. Нет, Витек, и не испугались они нисколечко, видно было, что люди они обстрелянные. Ну, дамочка, понятное дело, побледнела с перепуга... А мужики ничего, переглянулись между собой, а потом старший политрук как бы про себя говорит: почему, мол, на день раньше? Я, помнится, тогда удивился малость, и откуда они о наступлении знали? Ну, да все по порядку... Начался артобстрел... Я, конечно, по окопам решил пробежаться – посмотреть, как мои бойцы, пороху не нюхавшие, команду укрыться выполняют. Ну, пробежался, посмотрел – хорошо выполняют, жить-то всем охота! Где-то через час обстрел прекратился. Выбрались мы под небо, глядь, а немчура уже тут как тут! Ну, ты, Витек, сам со взводного начинал, третий год воюешь, знаешь небось, как они это умеют – подобраться почти вплотную под прикрытием огневого вала! Ну и в тот раз подобрались... Где-то десятка три танков и самоходок, да мотопехота, численностью до полка... Наш батальон на

холме стоял, по-над речкой Вопь, моя рота на левом фланге. Хорошая у нас позиция была – местность на несколько километров просматривалась и простреливалась... Хм... Было бы чем простреливать, самым тяжелым вооружением у меня были пулеметы «максим». Да и то во время обстрела у одного из них кожух осколками посекло. Вот... А перед холмом лужок до самой речки спускается. Хороший такой лужок, для обороны самое то – заболоченный по самое не могу! С этого направления нас было не достать. Но вот левее нас была балочка, аккурат от реки. Сухая такая лощинка, и у речки там твердый брод был. Наши, конечно, прекрасно знали, какую опасность эта «дорожка» представляет, – там целый полк встал... Ополченческий... И неполного состава – тысячи полторы. Да батарея сорокапятков, да батальон штурмовой... Не, Витек, не штрафной! Путаешь ты! Это с сорок второго года эти батальоны стали штрафными называться. Ага, после знаменитого приказа «Ни шагу назад!». Да, а в сорок первом они штурмовыми назывались, хотя суть одна... Ну, батальон – это громко сказано, было их там не больше полутора сотен, командиров бывших, то есть офицеров по-теперешнему. Но воевали они отлично! Стояли на смерть! Да... Так вот как раз по этой балочке немцы и подобрались! И то, что мы на несколько километров все просматривать могли – стало бесполезным, дистанция сократилась до пятисот метров. Балочка, конечно, заминирована была. Да только то ли мин наши пожалели, то ли немцы под шу-

мок успели их снять, им тоже отваги не занимать. Да ты, Витек, знаешь! В общем, прут эти танки с мотопехотой, как на учениях. Уже и речку форсировать успели. А встретить их почти некому: тем, которые лощинку держали, больше всех досталось! Вся позиция воронками перепахана! Места живого нет! Вижу я, что пара сорокопяток еще бухает, но куда им против тридцати стволов! Но молодцы артиллеристы, четыре коробочки зажгли! Потом то, что от батареи оставалось, немцы гусеницами проутюжили. Тут штрафники стали под гусеницы с гранатами кидаться! Страшное зрелище, я тебе доложу! Откуда знаю, что штрафники, а не ополченцы? Так ведь в фуражках они были да в сапогах! Ну, бывшие... В общем, смерть свою достойно приняли, что бы они в прошлом ни сделали! Искупили кровью! Своей и вражеской! Да... Однако немцев это не остановило! Смяли они нашу оборону, заняли траншеи. Ну и начали на нас поворачивать, чтобы фланг свой обеспечить! Вот... А лужок-то болотистый только у речки! А со стороны лощины – пологий сухой склон! Отличные, просто полигонные условия для атаки! Они и атаквали! Давай, Витек, плесни еще по полной! Что-то от этих воспоминаний сердце защемило! Вот, казалось бы, третий год воюю, до майора дослужился, две «звездочки»¹ на груди краснеют, да три золотых шеврона² сверкают, а до сих пор этот бой забыть не могу! Глянул я тогда на

¹ Орден Красной Звезды.

² Нашивки за тяжелые ранения.

своих орлов – как они? Нормально! Хотя и интеллигенты, а не дрожат! А старший политрук со своим шофером хватают артистку в охапку и в тыл бегом! Я еще мельком подумал, что трусили они! Вот веришь, Витек, сколько времени прошло, а мне за ту мысль до сих пор стыдно! Потому как ошибся я, и ошибся сильно! Тут мне не до раздумий стало, немцы-то прут! Пятнадцать танков вверх по склону ползут, за ними батальон пехоты в цепь развернулся, а со дна лошинки еще десяток самоходок постреливает! В общем, веселуха полная! Ну, ударили мы по ним, да толку... Сотня винтовок да три пулемета... И чувствую я – не удержим высоту! Выбьют нас! Слышу, один из моих «максимов» замолчал. Я к нему! Добежал, а от расчета только клочья остались, по стенкам окопа раскиданные! Ну, думаю, все – хана нам! Огляделся я по сторонам тоскливо и вдруг вижу – возвращаются мои «беглецы»! И политруки, и шофер их. И тащат какие-то пеналы! Прыгнули в стрелковые ячейки, и тут такое началось! Пеналы эти «эрэсами»³ оказались! Противотанковыми! Что глаза округлил? Неужели тебе еще немецкие фаустпатроны не попадались? Ах, попадались! Ну, так чего ты тогда удивляешься? Откуда они у наших в сорок первом взялись? Вот об этом, Витек, я до сих пор гадаю! Да и не фаустпатроны это были. Наше это было оружие, советское! Политрук их потом гранатометами «Муха» назвал. Что ты ржешь? Эти «Мухи» жужжали так, что немцам мало не показалось! Через пять

³ РС – реактивный снаряд.

минут немецкие танки пылали! Да-да, Витек, как свечи на новогодней елке!!! Какое расстояние до них было? Метров триста-четыреста! Сам знаю, что фаустпатроны так далеко не бьют! Я ж тебе говорю – советские это были хлопушки! Ну, ты, блин, и вопросы задаешь, Витек! Ну, откуда я знаю, почему их до сих пор в войсках нет! Мне тот политрук еще тогда сказал, что это экспериментальное оружие.

Что дальше было? А! Интересно стало! Хе! Налей еще по половинке. Эх, хорошо прошла! Ну вот, а потом слышу – пулемет заработал! Я думаю – откуда? Как? Ведь оба моих «максимки» уже вверх колесами к тому времени лежали. И интересно мне стало! Я ужом по ходам сообщения на звук! Дополз – глядь, а тот корреспондент, младший политрук, с каким-то незнакомым пулеметом в свободной ячейке пристроился и стреляет! И смотрю – хорошо стреляет! Да не просто хорошо, а отлично! Короткими очередями, экономно, а после каждой очереди три-четыре немца в цепи падают и не поднимаются! Ну, блин, думаю, повезло мне – опытный пулеметчик попался. И не просто опытный, а обстрелянный! Пять очередей даст и меняет позицию, пока немчуря по нему не пристрелялась! Что за пулемет? Хрен знает! Чем-то на чешский «VZ-26» похож, только рожок сверху не торчит. Питание ленточное, а сама лента в коробку уложена, а та коробка снизу к ствольной коробке пристегнута. Ну, ты слушай, что дальше-то было! А дальше у этих чудо-корреспондентов заряды к их гранатометам кончились. Но это

было уже неважно, атакующие танки сгорели, а те, что внизу стояли, назад через речку ушли. А за ними и пехота пока- тилась. Я до старшего политрука добежал, а он из автомати- ческого карабина бьет. И как бьет! Любо-дорого смотреть! Один выстрел – одно попадание! Причем только офицеров выбивал! Что за карабин, спрашиваешь? Вот тут опять за- гадка, никогда больше я таких карабинов не видел! Только у немцев что-то похожее есть – штурмовая винтовка назы- вается. Как ты сказал? Вот-вот! «Штурмгевер»! Видел уже? Ну, значит, можешь представить тот карабин. Внешне очень похож, только легче и сделан проще. Как это, какой лучше? Наш, конечно!

В общем, отбили мы ту атаку. Тут немцы опять из пушек огонь открыли, мы все по щелям, как тараканы, попрятались. Я с этим корреспондентом в одной ячейке сижу. Вокруг гро- хочет, а я его все выпрашиваю, что это у них за оружие. И тут понимаю я – не корреспонденты они! Тогда я полит- рука напрямую спрашиваю: мол, вы кто такие? А он сначала сказал что-то вроде: «Спецназ ГРУ». Видно, что машиналь- но ответил, но потом поправился: «Мобильная группа осо- бого назначения»! Я обрадовался было, ну еще бы – такое подспорье в обороне! Но политрук мой пыл сразу охладил. Сказал, мол, прости, лейтенант Гымза, но у нас свое задание. Хотя до вечера обещал остаться. Ну, и остались они... До вечера еще три атаки отбили. Вижу я – выдохлись немцы! Затихло все, только на юге погромыхивает. Как потом выяс-

нилось, это Гудериан к Туле прорывался. Теперь-то я знаю, что мы уже тогда почти в окружении бились. А тогда я об этом не думал, отбили атаки, и слава богу! То есть «слава труду»!

Отбились и отбились! Я, конечно, людей проверил, потери подсчитал, раненых на эвакуопункт отправил. Вроде все дела свои командирские переделал. Можно отдохнуть, перекусить, принять «наркомовскую». Я тогда политруку и говорю: пошли ко мне в землянку, отметим нашу маленькую победу. А он: погоди, надо артистку нашу из убежища вызволить. Интересно мне стало, что там у него за убежище. Напросился проводить. А он идет напрямую к своей машине. Они, оказывается, в полукилометре от передовой ее оставили. Подходим мы к «ЗИСу», а возле него воронка здоровенная от пушки-гаубицы немецкой стопятимиллиметровой... Ну, думаю, если артистка где-то рядом пряталась... Жаль девушку...

Нет, подходит политрук к автомобилю, открывает дверь, и артистка живая и невредимая выпархивает... Что, блин, за чудо? Воронка в пятнадцати метрах! Простой «ЗИС» весь осколками бы посеколо! Присмотрелся я тогда к машинке этой повнимательнее, хотя и темнело уже... И что ты думаешь? Нашел на борту несколько царапин! От осколков! Словно по броне чиркнуло! Да, нет, Витек! С виду это самая обыкновенная машина была – «ЗИС-101». Что говоришь? «БА-20»? Ну, ты, Витек, думай, что говоришь! Что я, кад-

ровый офицер Красной Армии, броневик от легковушки не отличишь? Вот только борта у той легковушки были попрочнее бортов броневика!!! После близкого разрыва «БА-20» решето напоминает! Сколько я их за войну навидался, коробочек этих!

Ладно... Извлекли мы из «ЗИСа» артистку, гитару, коньяк, закуску эту московскую, диковинную. Почему диковинную? Ну, консервированную ветчину ты наверняка видел, а вот лапшу в коробочках, которую готовить не надо? Как это? А вот так! Заливаешь кипятком, ждешь три минуты – и готово! Название у нее тоже какое-то смешное было, татарское, что ли, – «Доширак»...

Ну, посидели мы душевно, это я тебе уже рассказывал... Да, песни пели, коньяк пили... Неплохо, в общем, время провели! Я все порывался политруков этих расспросить об оружии, да и обо всем другом... Но то ли постеснялся, то ли... Что потом? Потом я посты проверять отправился, а когда вернулся, мне взводные и говорят, мол, ворвался в землянку Левкович со своими подручными и арестовал наших гостей, те и сделать ничего не успели! На каком основании? Блин, Витек, какое особистам нужно основание? Петька, ну, зам мой, так он сказал, что когда их обыскивали, то под шинелями много чего нашли! Рации, что ли, какие-то портативные, с надписями не по-русски. Как там Петька сказал? Слово уж больно мудреное, но зам мой университет перед войной окончил... «Моторола», что ли? Да, точно – «Мото-

рола»!

Ну, думаю, совсем Левкович оборзел – таких боевых ребят хватает! А фронт кто держать будет? Особист этот хренов со своими мордоротами? Сел я тогда и крепко задумался. Ну не мог я допустить такую несправедливость! И вот тогда, Витька, я и решился на авантюру, по меркам нашего государства – преступление! Об этом, Витька, теперь только двое знать будут – ты и я; остальные посвященные – на том свете все: и правые, и виноватые! Но я тебя с первого класса школы знаю, да и на фронте ты за чужими спинами не прятался! Вон какой иконостас у тебя, покруче моего будет! Да и то, что мы с тобой именно в госпитале встретились... Ладно-ладно, Витек, хорош обниматься! Переборщил с не привычки, парень... Еще бы – три месяца на больничной койке... Сядь, закури, дай мне историю закончить.

Ну, успокоился? Продолжаю... Подумал я тогда, да и позвал несколько ребят, в которых был уверен, как в самом себе: двоих взводных, Петьку, зама своего, да сержанта из второго взвода, пожилого дядьку, третью войну уже пахавшего. У него на Левковича зуб был: тот его за «превознесение царского генерала» арестовать хотел, комиссар полка отмазал, они с этим сержантом вместе в партию вступали в одна тыщца девятьсот пятнадцатом году. Какого генерала? Да про Брусилова дядька красноармейцам рассказывал, про прорыв его знаменитый, хотел новобранцам мысль внушить, что немца победить можно.

Вот собрал я, значит, команду и объяснил ребятам, что делать нужно. Все со мной согласились – политруков-то мы в деле видели, а суку эту, Левковича, на дух не переносили. А задумал я отбить наших гостей-помощников... Как это можно скрыть? Так, фронт же, дружище, самый передок! Всех особистов перебить, и пускай потом другие гадают: то ли шальной снаряд, то ли пулеметная очередь с самолета! Ну, собрались мы, пошли... Где блиндаж особого отдела – сержант знал, точно вывел! Подходим мы, и вдруг выстрелы! Винтовки бьют, судя по звукам – две. Мы рассредоточились и подкрадываемся. Вдруг все стихло. Я поближе подобрался и слышу голоса: политрук вопросы задает, а Левкович отвечает. Причем, судя по голосу, со здоровьем в этот момент у Левковича явно нехорошо! Как-как? Ну, ранен он! Я еще ближе подполз, выглянул из-за кустов. Вижу – трупы разбросаны, а над ними эта троица стоит. Какая-какая? Блин, Витек, ты что-то совсем соображать перестал! Все, тебе больше не наливаем! Какая троица? Отец, Сын и Святой Дух! Ха! Ну, ясно же – политруки эти да шофер их! А где девушка была? Распереживался, блин! Да все в порядке с ней было – в блиндаже она отсиживалась! Ну, вот... Допросили политруки Левковича, потом старший приставил ему дуло винтовки ко лбу и спокойно спустил курок. В общем, не понадобилась им наша помощь! Сами прекрасно справились. Как я потом посмотрел – охрану блиндажа голыми руками перебили, а когда Левкович вернулся, из засады его встретили и из двух

винтовок, что у охранников отобрали, всю кофлу положили! Сколько-сколько? Человек семь-восемь...

Ну, вылез я из кустов. Окликнул, конечно, предварительно, чтобы не пальнули от неожиданности. Политрук мне спасибо сказал, за помощь... Объяснил, что именно за особистом его командование и послало, мол, враг народа тот был... Как же – поверил я ему! Но сделал вид, что поверил! А что? И ему, и мне спокойней! Разошлись мы друзьями... Хорошие они все-таки ребята! Да, на прощание политрук спросил: служил ли в моей роте Илья Ясулович. Служил такой... Во втором взводе... Так я и ответил, и добавил, что ранило его днем и что его отправили в медсанбат. Догадался я потом, что именно Ясуловича этого они под видом репортажа и искали. Что это был за человек? Человек как человек... Вроде бы бывший аспирант, да перед войной отсидел пару лет... Ну, не за кражу же!

Вот такая история, Витек! Думай что хочешь! Да... Я потом уже узнал, что видели этих людей в медсанбате и что протащили они через фронт триста раненых. Как-как? Как-ком кверху! Тогда под Вязьмой слоеный пирог был... Можно было сделать, раз провели... Я сам тогда из окружения остатки батальона вывел... Хотя выводить здоровых людей проще, чем раненых. Про медсанбат мне сестричка одна рассказала, когда я после второго ранения в госпитале валялся. Узнала, что я тоже под Вязьмой бился... Еще она сказала, что забрали эти политруки двух людей – того самого Ясуло-

вича да одного майора, командира батальона штурмового. Что-то она еще плела про пенициллин, мол, майора им из горячки вывели. Что удивительного? А то, Витек, что этот самый пенициллин только в прошлом году придумали! Ладно, давай по последней и на боковую! Что-то я тоже окосел...

Эх, хорошо пошла! К чему я все это рассказал? Да вот к чему... Как думаешь, откуда у меня коньяк этот, закуска и табак мериканский? Какую посылку из дома? Кто мне коньяк пришлет? Мать с трудом концы с концами сводит, трех сестренек растит на один мой аттестат! Какой спецпаек? Ты что, Витек, мы с тобой в одной палате на соседних койках лежим, мне что, особые условия полагаются? Все? Сдаешься? Ладно, не буду больше томить, встретил я своего старого знакомца. Кого-кого? Политрука того старшего! Только он теперь генерал-майор! Искал он здесь в госпитале кого-то. Меня сразу узнал, первым подошел, обнял, про здоровье спрашивал... Гостинцы эти вручил... И знаешь, Витек, что он сказал на прощанье? Недолго, говорит, осталось – через год война кончится! И знаешь, Витек, я ему почему-то верю!

Глава 1

Началась моя эпопея в июне 2010 года. Однажды, придя с работы домой, я обнаружил на журнальном столике толстый конверт формата А4. «Вот дела! – подумал я. – Как он тут мог очутиться?» На конверте моим почерком было написано: «Сергею Иванову! Лично в руки!»

Поскольку именно я являлся Сергеем Ивановым, адресатом послания, то первой мыслью было: «Однако! Кому пришло в голову подделать мой почерк? Что за дурацкие шуточки!» Осторожно пощупал конверт – не жесткий, взял в руки и потряс – не гремит, поднес к уху – не тикает. Только после этих манипуляций я вскрыл послание и извлек на свет толстую общую тетрадь, в коричневом переплете, сплошь испи-санную именно моим почерком.

Автор этого послания представлялся моим Альтер-эго из будущего и в популярной форме излагал теорию «пробоев временного континуума по отрицательному вектору». «Что за бред!» – подумал я, пролистав несколько первых страниц. Но на следующих страницах приводились принципиальные схемы и чертежи устройства, позволяющего осуществлять теорию на практике. Причем чертежи и схемы вполне реальные. «А вот это уже интересней!» С этой мыслью я попытался разобраться во всей этой белиберде. Схемы показались мне знакомыми.

От изучения я оторвался только поздней ночью. Отложив тетрадь, перешел на кухню и выпил, обжигая губы кипятком, две большие кружки крепчайшего кофе подряд. Легче не стало. Мысли скакали, как испуганные львом антилопы. Ведь что мне сулил неожиданный подарок? Фактически – власть над временем, как бы выпренье это не звучало!

Я зашел в ванную и долго полоскал «морду лица» холодной водой. Закончив водные процедуры, я приподнял голову над раковиной и глянул в зеркало. Отразившаяся там физиономия, с трехдневной щетиной и мокрыми всклокоченными волосами в первый момент показалась мне совершенно чужой. Словно тот самый автор теории зашел проверить мою реакцию на свое творение. Двойник мрачно глядел на меня воспаленными от длительного чтения глазами. Миг – и наваждение рассеялось! Нет, это все-таки я. Начавшие округляться щеки и двойной подбородок любителя дешевого пива. Обрюзгший, почти переставший следить за собой великовозрастный балбес. Не обзаведшийся к своим тридцати годам ни семьей, ни приличной работой. Живущий в запущенной однокомнатной квартирке на окраине Москвы, с шикарным видом на нефтеперегонный завод. «Стреляющий» у коллег по работе столычники «до получки»? И это я через несколько лет сделаю такое изобретение? Бред...

Я вылетел из ванной и снова рванул на кухню. В углу, за холодильником, стояла заныканная с последней попойки початая бутылка водки. Я набулькал половину чайной чашки

и медленно выцедил теплое, пахнущее ацетоном пойло. Гадость какая! Я с трудом сдержал рвотный порыв. Однако через мгновение, словно пройдя желудок насквозь, водка всосалась в кровь и горячей волной ударила в голову. Дом вокруг меня пошатнулся, и я кулем осел на пол. Просидев минут пять, тупо пялясь на откатившуюся к стене чашку, я достал из нагрудного кармана рубашки помятую пачку и закурил, только с третьей попытки попав кончиком сигареты в огонек зажигалки.

После этой процедуры я сделал трезвый вывод, что если все это и шутка, то весьма тщательно спланированная и проработанная. К тому же от кого можно ждать подобной хохмы? От моих друзей? Их шутки были проще и понятнее – к примеру: один из них посоветовал как-то секретарше из своего офиса, классической дуре, очень боящейся в первый раз лететь на самолете, заклеить попу пластырем, чтобы, типа, уши не закладывало... И она ведь заклеила...

А в чем соль этого розыгрыша? Ну, допустим, соберу я установку – технически все довольно просто – а потом кто-нибудь выскочит из шкафа с криком «Сергея – лошара, повелся, повелся!» Я, на секунду зажмурившись, представил себе эту картину, но тут же замотал головой, отгоняя навязание – это было бы уже чересчур.

Хорошо, если все это не шутка, то мне в руки попало удивительное изобретение. Проверить гениальность моего двойника легко – собрать установку. Слава богу, что я еще

не разучился читать чертежи и схемы – преподаватели института хорошо умели вбивать азы технической грамотности в мозги нерадивых студентов. Но вот почему записи мне кажутся такими знакомыми?

Внезапно перед глазами проплыло давнее воспоминание. Я и еще несколько парней с моего курса стоим в коридоре родного вуза и, разложив на подоконнике толстые тетрадки и коряво, от руки, исполненные чертежи, бурно обсуждаем какую-то чудо-идею, родившуюся в мозгах горе-изобретателей накануне вечером.

Тут до меня дошло, почему подброшенная тетрадка навела смутные ассоциации. Я еще в школе «изобретал» разные безумные аппараты типа вечного двигателя, электромагнитных пушек и плазменных ружей. Это занятие продолжилось и в институте, где у меня нашлось несколько единомышленников. Может быть, тогда и мелькнул у меня подобный проект. Вот только придумывать всевозможные устройства я прекратил на втором курсе, а мой двойник, видимо, нет. Вот так привет из прошлого!

Я с трудом поднялся с пола и, поставив расшатанную табуретку, полез на антресоли. Ага, вот та самая коробочка, где я сложил, поленившись (или пожалев) выбросить, всю свою «макулатуру». Какой толстый слой пыли! Сколько я не заглядывал сюда? Лет семь-восемь?

Дом снова качнуло (какая все-таки дрянь эта паленая водка!), и я почти рухнул с табуретки, чувствительно прило-

жившись плечом о косяк межкомнатной двери. Но ящик из рук не выпустил! Вывалив его содержимое прямо на пол, я встал на колени и начал торопливо разгребать кучу-малу. Вот, вот же она! Знакомый коричневый переплет! Я положил найденную тетрадку рядом с подкинутой. Сходство точнейшее! Надпись на обложке: «Темпор», выполненная в псевдокаллиграфическом стиле, совпадала до мельчайших подробностей. С точностью до знака препинания совпадали и первые десять страниц. На них как раз давалось теоретическое обоснование «пробоя временного континуума по отрицательному вектору» и шли первые принципиальные схемы. А вот дальше текст в «моей» тетрадке обрывался. Уж даже и не вспомню сейчас, что заставило меня бросить разработку. Приятели, потащившие на пьянку, или девушка, которую я тогда старательно «раскручивал» на свидание?

Чего мне не хватило для дальнейшей проработки? Усидчивости, знаний или просто иссяк сам источник идеи? А верна ли вообще эта теория? Теперь, когда я убедился, что вся история с таинственно появившимся в запертой квартире конвертом – не чей-то глупый розыгрыш, метод подбрасывания «подарочка» виделся вполне определенным – из будущего!

Осталось лишь проверить теорию на практике – собрать машину времени! И на тех же антресолях валялось достаточное количество радиодеталей, оставшихся со времен юношеских увлечений «конструкторством», чтобы начать во-

площение идеи «в металле». Но сборку решил отложить на утро – голова гудела так, что иногда казалось – в ней стоит неисправный трансформатор. А сердце, подстегнутое слоновьей дозой кофе, билось о ребра, словно дикий зверек, норотивший покинуть тесную клетку. Приняв душ, я, несмотря на дикое состояние организма, мгновенно уснул.

На следующий день, сказавшись больным (что почти точно соответствовало истине), я не пошел на работу, решив попробовать хотя бы в первом приближении построить фантастический аппарат. Он состоял из трех частей: «окна», представляющего собой двойной проводник, скрученный витками с определенным шагом и частотой, а также замкнутый на себя, наподобие ленты Мебиуса⁴; к «окну» в пяти точках крепились проводники, идущие от второй части – «модулятора сигнала», как говорилось в чертежах. «Модулятор» питался электрическим током от трансформатора, который запитывался от сети 220 вольт.

Проще всего оказалось сделать «окно». Для его создания я воспользовался стандартным телефонным кабелем, идеально подошедшим по сечению проводов. Этим кабелем я аккуратно обмотал деревянную рамку, наспех сколоченную из валяющихся на балконе брусков. На всю работу ушло не больше часа. Затем наступила очередь трансформатора – вот здесь мне пришлось повозиться, ведь наматывать обмотки

⁴ Мебиус (Möbius) Август Фердинанд (1790—1868) – немецкий математик. Установил существование односторонних поверхностей (лента Мебиуса).

пришлось вручную, тщательно считая витки. С этим делом я провозился с небольшими перерывами до вечера. Два раза мне пришлось мотаться на радиорынок: за проводом нужного сечения и за конденсаторами большой емкости. Изделие, вышедшее из-под моих рук, получилось солидным. Судя по размерам вторичной обмотки, выдавать трансформатор должен был десять-двенадцать тысяч вольт. Замерить выходное напряжение и мощность своим почти игрушечным тестером я не смог.

На следующий день мне пришлось идти на работу, так как позвонил шеф и пригрозил репрессиями. Но терять даром время я не хотел. Работал я тогда в небольшом рекламном агентстве, и по штату мне полагался компьютер, чем я и воспользовался, взявшись за составление программы управления установкой-перемещателем по имеющимся в тетради алгоритмам.

Во время обеденного перерыва ко мне подошел Мишка Суворов, худой, нескладный на вид парень высокого роста, работающий в нашем агентстве веб-дизайнером. Таких ребятшек метко называют в народе «сушеными гераклами». Вдобавок Михаил носил очки в круглой оправе, что полностью дополняло имидж «ботаника». Я единственный среди сотрудников нашего офиса знал – эти очечки были с простыми, без диоптрий, стеклами. И что без них глаза Суворова просто пугали бы окружающих. Было в них что-то от взгляда снайпера за секунду до выстрела. И дело вовсе не в дефекте

зрения. Просто тихий, скромный, исполнительный веб-дизайнер Миша воевал с восемнадцати лет. Начал на срочной службе – тогда как раз началась первая чеченская. А после армии Михаил успел отметиться почти во всех «горячих» точках на территории бывшего Союза и ближнего зарубежья. В среде таких же, как он, «псов войны», кочующих из одного региона в другой, следом за звуками выстрелов, Миша получил позывной Бэдмен. Как пояснил мне один общий знакомый, видевший Мишу «в деле», «плохим человеком» Суворов был исключительно для противника, благодаря своему виртуозному владению «ПКМ»⁵. Только два года назад, после тяжелого ранения, Суворов решил остепениться и «завязал» со своей вредной для здоровья работой. И, сидя дома с гипсом на простреленной ноге, Михаил от нечего делать начал изучать премудрости общения с электронно-вычислительными машинами. На вырученные за очередную «командировку» деньги приобрел самый навороченный комп и полтонны справочной литературы. И за полгода стал в этой сфере твердым профессионалом. С компьютером он теперь обращался не менее уверенно, чем в свое время с пулеметом Калашникова.

Все эти подробности из жизни коллеги я знал потому, что Мишка Суворов был моим давним другом еще со школы. Именно я устроил человека без опыта работы веб-дизайнером в нашу компанию.

⁵ Пулемет Калашникова модернизированный.

– Прикол хочешь? – жизнерадостно заорал прямо мне в ухо Мишка. Я аж подпрыгнул. Головы половины работников офиса синхронно развернулись в нашу сторону, предвкушая очередную хохму, которых у Мишани был неиссякаемый запас. Кстати, именно он посоветовал секретарше заклеить попу пластырем.

– Ну! – хмуро буркнул я, нехотя отрывая глаза от экрана.

– Гну! – троянским конем заржал Суворов. – Слушай: наш сисадмин что-то приболел сегодня, наверное, пива вчера холодного перепил, а у коммерческого директора, как на зло, с компом проблемы какие-то. А коммерческий знает, что я немного в «железе» волоку, вот и вызывает меня к себе. Вызывает и тихохонько, интимно этак на ушк'о мне шепчет: «Миша, выручай! У меня сайт не открывается!» Я его спрашиваю: «Какой сайт?» А он: «А вот у финдиректора открывается!» Я ему: «Да какой сайт-то?» Тогда коммерческий выдает фразочку: «Не скажу!» У меня, блин, челюсть так и отпала, натурально! «Ну, – говорю, – нет так нет», – и поворачиваюсь, чтобы из кабинета выйти. А коммерческий мне в спину: «Миша, ну сделай что-нибудь, чтобы у меня тоже открывалось!» Я уже почти кричу: «Да какой сайт-то, мать твою?!!» А он вздыхает: «Не скажу», – и смотрит жалобно-жалобно!!!

Я, представив себе морду нашего коммерческого директора, заржал в голос. Те из моих коллег, кто сидел поближе и слышал Мишкин рассказ, – тоже. Тем, кто не слы-

шал, счастливычки торопливо, давясь смехом пересказывали. Через пару минут весь офис был парализован – сотрудники буквально корчились от смеха, кто-то даже скатился под стол. А Мишка, насладившись произведенным впечатлением, продолжил:

– Просто зависть берет, на тебя гляючи! С каким фанатизмом ты все утро стучишь по клавишам! И ведь наверняка это не клиентский заказ!

– Да уж! – пробормотал я, с трудом возвращаясь в реальность. Мишка наклонился к монитору, внимательно разглядывая плоды моих трудов.

– И что это за фигня? – с интересом спросил Мишаня через пару минут.

Зная, что из праздного интереса Миша вопросы задавать не будет, я объяснил, не вдаваясь в подробности, для чего мне нужна эта программа. Бэдмен взял листочки с алгоритмами и начал, хмыкая, черкать в них толстым синим маркером. Это занятие настолько увлекло Мишку, что по окончании обеденного перерыва он сказал:

– Братишка, это очень интересная белиберда, можно мне повозиться с ней?

Я с радостью согласился – кроме создания сайтов для клиентов агентства Мишка для развлечения писал сложные компьютерные вирусы, соревнуясь с антивирусной программой Касперского, поэтому распорядиться предоставленным материалом мог гораздо лучше меня, едва научившегося на-

жимать на клавиатуре нужные кнопки и не пугаться, когда пиратская «Винда» «подвешивала» комп. К тому же Мишкино вмешательство давало возможность заняться работой, за которую в этой конторе мне платили деньги. И так уже с утра начальник отдела два раза грозил пальцем.

Бэдмен весь день просидел, уставившись в монитор и безостановочно щелкая клавишами, даже перестал выходить в курилку, и, видя такую увлеченность, я не отвлекал его вопросами. Только вечером, когда все сотрудники агентства разошлись по домам, я подкрался к столу компьютерщика.

– Ну, как успехи? – спросил я.

Суворов устало потер глаза и сказал:

– Знаешь, братишка, твоя вещичка весьма занятная, но ужасно допотопная – написана на бейсике под DOS, к тому же очень коряво и громоздко, пришлось переводить на «Си плюс» и адаптировать к «Линуксу».

– А почему не к «Винде»? – удивился я.

Мишка посмотрел на меня, как на убогого.

– Да потому, что управлять мало-мальски серьезной аппаратурой, требующей передачи информации в реальном времени, из-под «Винды» не получится в принципе. Проверено на практике! Даже с не слишком быстрым АЦП «Форточкус» умудряется терять данные – буфер измерительной карты уже заполнен, а ей приспичило выполнить какую-либо свою операцию. И все, результату хана! Понял?

Я машинально кивнул, поняв из Мишкиной речи толь-

ко слово «хана». Посмотрев на мое лицо, Суворов печально вздохнул (ну, что с этого ламера взять?) и продолжил:

– Принцип действия очень простой – эта программа должна распределять энергию из одного источника к пяти приемникам, но исполняется это по сложному графику, причем постоянно меняются напряжение, мощность и сила тока. Так вот, в этой программе по каким-то параметрам явный перебор, а по другим сильная недостача. Если оставить команды в первоначальном виде, то работа устройства будет очень неустойчива. Чтобы исправить этот недостаток, нужно знать принцип работы сего аппарата. Что это хоть за хреновина?

– Машина времени! – честно сознался я.

– Да что вы говорите? – иронически буркнул Бэдмен. – И схема этой «Машины времени» у тебя есть?

– Ну а как же. – Я протянул Мишке принципиальную схему устройства.

– Во как! – Михаил с сомнением посмотрел на листок. – Не, в этой тряхомундии без пол-литра не разберешься! С этим тебе лучше обратиться к Гарику!

Игорь Тюрин по прозвищу Горыныч тоже был моим старым другом. Познакомились мы с ним в институте. Какое-то время он примыкал к нашему кружку «изобретателей». Но в отличие от большинства с гениальными идеями не носился, зато отлично работал руками. Дядя Горыныча работал на приборостроительном заводе и регулярно снабжал племянника необходимыми каждому радиолобителю деталями. За

годы учебы в вузе Игорь настолько отточил свое мастерство, что практически серийно клепал блоки для пиратского декодирования спутниковых каналов и радиограбберы. На последней совместной вечеринке Игорь похвастал, что достиг такого уровня, что вполне может собирать у себя в квартире головки самонаведения для крылатых ракет. И на фоне его успехов такое заявление не казалось шуткой.

– Отличная мысль, Мишка! – сказал я, обдумав перспективы совместного проектирования. – Обязательно с ним свяжусь.

– Давно пора, уже месяц вместе не собирались! – ответил Мишка, радостно потирая руки в предвкушении застолья. – Так, может, прямо сейчас и рванем, благо сегодня пятница и можно посидеть подольше! Чего тянуть-то?

Сказано – сделано!

Мы взяли пол-ящика пива (для разгона!) и отправились в гости к другу. Нам повезло – Игорь был дома. Он сам открыл дверь, и по гулкой тишине его большой, четырехкомнатной квартиры мы поняли, что многочисленная семья Горыныча, в составе четырех братьев, папы с мамой и двух волнистых попугайчиков, уже уехала на дачу. И скорее всего – на весь уик-энд.

Гарик, темноволосый крепыш, чуть ниже меня росточком, поддержнул семейные трусы, сползающие с начавшего выпирать брюшка. В связи с жарким летним вечером трусы были его единственной одеждой.

– Приперлись, – делано-хмуро сказал наш друг, с нарастающим интересом оглядывая наши довольные морды и побрякивающие, при каждом движении, пакеты в руках. – Вы, гады, словно запах чуете! Только пожрать сел. Пачку пельменей сварил. Два часа одну тарелку никак прикончить не могу! Ковыряю, ковыряю...

– Что – уворачиваются? – с совершенно серьезным видом спросил я.

Горыныч хихикнул, но хмурого вида не оставил:

– Опять небось пЬиво жрать будем?

– Ну, дык, – согласился с ним Мишка, доставая из пакета бутылку и протягивая ее Гарику как пропуск – этикеткой вперед.

Гарик зубами (фирменный трюк!) сорвал пробку, сделал большой глоток и милостиво сказал:

– Ну, тогда заходите!

Десять минут спустя мы, полуголые (жара!), сидели за кухонным столом среди плавающих клубов табачного дыма. Закусок было много: орешки и чипсы! В худшие времена, случалось, не было и этого. Затягиваясь сигаретой, Мишка махал исчерканным листочком с формулами и вещал:

– Не знаю, как насчет пробоев во времени, но теперь эта штука будет работать точнее швейцарских часов.

Гарик, отрываясь от подсунутой ему схемы только для того, чтобы отхлебнуть пивка, долго молчал, что обычно моему другу было не свойственно. Наконец, оторвавшись от ли-

ста, Горыныч извлек из морозилки вторую бутылку, снова открыл ее зубами, пригубил и задумчиво сказал:

– Никогда не видел ничего подобного! Кстати, схема – твое творчество, бракодел?

– Нет, блин, дедушки... – обиделся я.

– То-то я и смотрю, элементная база на уровне каменного века, – заклеил меня Гарик. – А если серьезно, что это за аппарат?

– Приемопередатчик, работающий на сверхдлинных волнах, – пошутил я. – Дедуля в «почтовом ящике» делал прибор для связи с подводными лодками.

– Нет, братишка, бери выше – для связи с инопланетными кораблями! – подхватил Бэдмен.

– Ага, бороздящими просторы галактики, – закончил я фразу. – А если честно, то я и сам не знаю, что это за фигня. Вчера случайно нашел эти схемы и расчеты и решил попробовать воплотить это устройство в металле.

Про подкинутый двойником конверт я решил пока умолчать, Суворов и Тюрин вряд ли нормально восприняли бы эту информацию. Тем более на трезвую (пока!) голову.

– Где нашел-то, у себя в кладовке, что ли? Похожие схемы ты рисовал, насколько мне помнится, на первом курсе, – почти угадал Гарик. – Если быть точным – вместо того, чтобы слушать лекции.

– Угу, – неопределенно хмыкнул я. Врать другу не хотелось. – Вот приспичило... Надо бы довести эту хреновину

до ума.

– Ну, тогда наливай! – усмехнулся Горыныч. – Счаззз спаем в лучшем виде!

Глава 2

Проснулся я почему-то в шесть часов утра, причем в состоянии пронзительной трезвости. За окошком разгоралось летнее субботнее утро. Спать больше не хотелось, и я, ополоснув лицо, сразу полез в сумку и извлек произведение совместного творчества – «модулятор сигнала», сработанный по самой современной технологии. Вчера, выпив по паре литров пива на брата, мы создали это чудо технической мысли буквально за два часа. Причем по ходу действия я действительно убедился, что предлагаемые к использованию детали и материалы довольно далеки от современных требований. Да и многие схемы можно было сделать по-другому, более изящно. Чем я немедленно и занялся. А Гарик подобрал необходимые компоненты из своих запасов. Творческому процессу очень способствовало легкое алкогольное опьянение, сильно раскрепощающее фантазию. Потом, добавив еще пол-литра, Гарик отрегулировал прибор по Мишкиным указаниям. Сам я в это время нарезал колбасу. А сейчас мне предстояло, соединив «модулятор» с «окном» и трансформатором, проверить всю эту халабуду в работе.

На сборку и наладку ушло часа два. К этому времени открылся маленький магазинчик возле моего дома. Я прогулялся туда по утреннему холодку и приобрел баночку холодного джин-тоника для поправки здоровья. После этого,

на свежую голову, я приступил к инсталляции программы управления с дискеты на свой компьютер.

Ходики на кухне прокуковали девять раз. К испытаниям все было готово. Для первого эксперимента я выбрал дату трехлетней давности. В этот день меня точно не было дома, и помешать я сам себе не мог.

Наконец я решился и нажал клавишу «Enter», запуская процесс. Трансформатор буквально взвыл, как идущий на взлет истребитель. «Модулятор» вел себя тихо, только в местах пайки стали проскакивать маленькие синие молнии. В «окне», рамку которого я прибил к косяку двери между комнатой и прихожей, сначала ничего не происходило, затем изображение мигнуло, словно переключенный на другую программу телевизор, и в проеме возникла новая картинка. Моя прихожая полностью изменилась – на полу снова лежал старый потертый палас, на стене вместо большой вешалки висел плакат «Doors», под потолком болталась лампочка на куске провода, а не подаренный год назад симпатичный светильник. В общем, это была моя прихожая трехлетней давности.

Машина времени работала!!!

В записях моего альтер эго говорилось, что темпор-машину он использовал исключительно для просмотра картин из прошлого. Каких-либо попыток проникнуть сквозь «окно» двойник не предпринимал. Да и немудрено – на его неустойчиво работающей установке любой визит мог закончиться

аварией. Но мы-то с ребятами собрали совсем другой аппарат, плюс совершенно новая программа управления.

И я решил поэкспериментировать. Сначала бросил через работающее «окно» материальный предмет – пачку сигарет. Ничего страшного не произошло, и установка продолжала работать устойчиво. Ладно – такое и двойник проходил – как-то ведь он сунул мне тетрадь. Затем наступила очередь живого существа... Я привязал к своему коту веревку и, мысленно попрощавшись с ним, кинул бедное животное в прихожую. И опять все прошло гладко – Мотыка аккуратно приземлился на четыре лапы, недоуменно облизнулся и удивленно посмотрел на меня: «Мол, в чем дело, хозяин?» Без промедления я втащил кота за веревку обратно в свое время.

Теперь оставалось шагнуть в прошлое самому. На всякий случай я отключил установку и проверил тестером все цепи. На это ушло часа два. Аппарат был в полном порядке. Но что-то меня удерживало. В голову пришла дурная мысль: а что, если в мое отсутствие в доме отключат электричество. «Окно», ясно дело, схлопнется. Объясняй тогда молодому себе, кто я такой и что я делаю в его квартире. Спасти меня мог только блок бесперебойного питания, который используют для сохранения данных в компьютерах. Достав из закладки двести баксов, я отправился за покупкой. Уже на улице меня осенило, и, вернувшись, я выгреб все свои доллары. Домой я пришел с новеньким блоком и с толстой пачкой ты-

сычерублевых купюр.

Минут через пятнадцать подготовка к перемещению была закончена. Дата отправления: третье июня 2008 года, в этот день я был на даче. Пуск. Открывается вид на прихожую. На стене – плакат «Doors», под потолком – лампочка на шнуре. Попадание точное.

Машинально перекрестившись, хотя я никогда не был набожным, нерешительно шагаю в проем. «Это маленький шаг для одного человека, но огромный шаг для всего человечества», – всплыло в голове. Кажется, это сказал Армстронг при высадке на Луну. Ну, я почти в таком же положении – десантируюсь в новый мир. Поправка: в старый мир. Робкими шагами прохожу на кухню. За три года она почти не изменилась. На плите стоит кастрюлька с прокисшим супом. Эге, припоминаю – сорвавшись на очередную пьянку, я забыл про нее, а вернувшись через два дня, целый час отскребал плесень. Еще несколько минут я неуверенно топтался в прихожей, не решаясь выйти на улицу.

Вперед! Надо выполнить программу-минимум, из-за которой и было выбрано первое полугодие 2008 года. Курс доллара к рублю на треть меньше, чем после начала кризиса. Наконец, я набрался смелости и почти бегом устремился в обменник. Деньги из будущего поменяли без звука. Пулей домой. На кухне обнаруживаю еще одного десантника из будущего – своего кота. Ну, для первого похода достаточно.

Я уже собрался возвращаться, но вдруг придумал оста-

вить маленькую отметку о своем походе. Покопавшись в стоящем на кухне ящике с инструментами, нашел молоток, гвозди и вбил их рядом в плитус за холодильником. Ужасно довольный собой, я схватил Мотьку в охапку, перешел в свое время и, выключив установку, побежал проверять свой тайничок. Каково же было мое удивление, когда мне не удалось обнаружить не только гвоздей, но даже следов их присутствия. Решаю оставить это открытие на потом. Лечу в обменник. Деньги из прошлого тоже поменяли без звука. Эта небольшая спекуляция принесла пятьсот долларов чистой прибыли!!!

В эйфории от содеянного, решаюсь повторить попытку. Потом еще и еще. До самого закрытия пунктов я, как метеор, носился между ними и своей квартирой, покупая в ноль восьмом доллары по двадцать рублей за штучку. Потом возвращался в ноль десятый и менял баксы на рубли, но уже по курсу один к тридцати. За субботу мне удалось проверить эту операцию семь раз, что увеличило мое состояние до нескольких тысяч долларов. После каждой ходки я оставлял двести долларов в резерв. Однако на третий раз, при покупке рублей, девочка в окошке удивленно подняла на меня глаза. «Долги возвращают, все несут и несут, отбоя от них нет», – неловко соврал я. Но в четвертый раз все же рванул в дальний обменник. А на шестой раз пришлось ехать на такси в центр города, так как для близлежащих пунктов сумма стала слишком большой.

Вернувшись из седьмой экспедиции, я, как подкошенный, рухнул на кровать и мгновенно уснул. Всю ночь меня мучили кошмары – за мной бегали девочки из обменников, крича: «Отдай наши деньги!» Сказывалось огромное нервное напряжение прошедшего дня. Но пробуждение посреди кучи денег компенсировало все неудобства. Приняв душ, не спеша позавтракал, с удивлением припомнив, что вчера обошелся без еды. Пересчитывая выручку, я наконец спокойно обдумал события прошлого дня.

Во-первых, до меня дошло, что если в своем времени моя персона примелькалась частым посещением обменного пункта, то в прошлом на меня никто не обратил внимания. В мозгу сверкнула мысль. Я начал лихорадочно рассматривать долларовые купюры из резерва. Вот оно! Номера банкнот повторялись! Это значит, что, отправляясь в прошлое, я каждый раз оказывался в новой реальности. Правильность этого вывода подтверждала история с гвоздями.

Во-вторых, во время пребывания в прошлом меня терзала одна неприятная мысль – вот сейчас там, в две тысячи первом, отрубят электричество, блок питания будет держать окно еще десять минут, а потом все, привет... С этой проблемой надо было что-то делать. Существовало два решения, первое: купить портативный генератор, что, в общем, тоже ограничивало время пребывания в ином мире, и второе: внести изменение в конструкцию установки. Я склонялся ко второму пути, хотя не исключал первый из-за его про-

стоты.

В воскресенье вечером, прихватив два ящика дорогого немецкого пива, я завалился к Гарику. Он несколько секунд удивленно рассматривал этикетку с надписью «Paulaner», но, не сказав ни слова, выставил на стол стаканы и вазочку с орешками. Тогда я поведал ему о своих приключениях. После четвертой бутылки Игорек сказал, что я как был сказочником, так сказочником и остался. Пришлось показать деньги с повторяющимися номерами. Это произвело на моего друга некоторое впечатление. После шестой бутылки Тюрин заявил, что поверит только своим глазам.

– Дело поправимое, – сказал я и достал из холодильника очередную порцию. – Вот сейчас допьем и поедем ко мне.

– Надо Бэдмену позвонить, – сообразил заботливый Гарик, – не пропадать же такой халяве.

– Мишке завтра на работу, да и мне тоже, – вспомнил я. Но тут до меня доперло, что с такими деньжищами, а тем более возможностями, на работу можно не ходить. – Давай набирай, гулять так гулять.

– Отлично, Серега, наливай. – Игорек стал тыкать непослушными пальцами в кнопки.

– Горыныч, возьми телефон!

– А это?

– А это пульт от телевизора!

Мы расхохотались, добавили еще, но все-таки нашли в себе силы и позвонили Суворову. Мишка приехал через пол-

часа, и вечеринка продолжилась. Дальнейшее помню смутно. Вроде бы кончилось пиво, и мы поперлись за добавкой. Откуда-то к нам приклеилось двое девчонок. Подруги стали требовать какого-то жутко дорогого ликера, Гарику приспичило попробовать виски «Джек Дэниельс», а мы с Мишелем решили продегустировать «Мартель».

После такого загула пробуждение было не из приятных. Отправив четверых девушек (а вроде бы вечером была всего две?) домой на такси, я принялся уговаривать Горыныча и Бэдмена плюнуть на работу и двинуть ко мне, чтобы опохмелиться и осмотреть машину времени. При этом я потрясал толстой пачкой долларов и кричал, что втроем мы к вечеру увеличим сумму в несколько раз.

Мое ли красноречие подействовало, мелькающие в воздухе зеленоватые бумажки или желание поправить здоровье, но мои друзья согласились.

Глава 3

Самое большое впечатление на Горыныча произвело «окно». Гарик несколько минут ходил вокруг обмотанной телефонным проводом рамки из неошкуренных брусков, сопел носом, хмыкал, а потом изрек:

– Серега, ты хочешь сказать, что это чудо технической мысли – машина времени?

– Согласен, выглядит странновато, но оно работает. К тому же основная деталь всего устройства – это слепленный лично тобой модулятор. А точность работы обеспечивается программой, выполненной нашим гением Бэдменом.

– Ага, а ты в это время колбаску нарезал, – не поворачиваясь от монитора, сказал Суворов. Он сразу после приезда оккупировал место за письменным столом, у компьютера.

– Я же говорил вам, что нашел у себя на столе конверт... – начал я.

– Идея-то все равно принадлежит тебе, – перебил меня Мишка. – Твой двойник просто пошел дальше тебя в разработке.

– Ладно! Уговорили, черти красноречивые, – решительно сказал Горыныч. – Врубай свою темпор-машину, сейчас посмотрим, как работает этот зеленый плод совместного творчества.

– Одну минутку, – отозвался Мишка, продолжая щелкать

клавишами компа, – мне тут одна идея в голову пришла, надо исправить несколько команд.

– Это что же получается? – возмутился я. – А получается, что я вчера лазил через дырку, которая в любой момент могла захлопнуться, потому что некоторые неправильно со-стряпали программу!

– Не неправильно, а скорее небрежно. Ведь когда я пи-сал, то воспринимал эту работу как чисто интеллектуальное упражнение. Ну, извини, мне и в голову не пришло, что ма-шина будет работать. А сейчас я все сопли подотру, и можно будет гонять наш станок от заката до рассвета. Как швейцар-ские часы...

– Про часы я от тебя уже слышал, – перебил я разошед-шегося Мишку. – Вчера...

– Слушай, Серега, а зачем тебя в ноль восьмой понесло? – спросил Игорь, сосредоточенно отколупывая какую-то ще-почку от рамки «окна».

– Решил капусты нарубить по-быстренькому, – честно от-ветил я.

– Нищета! – подколот Мишка. – Кто о чем, а Серега о бабках...

– А ты бы куда махнул? – обиделся я.

– В палеозой куда-нибудь или в юрский период на дино-завров охотиться! – решительно ответил Гарик.

– Это ты американских фильмов насмотрелся. Там же, кроме ящеров, еще насекомые разные вредоносные, микро-

бы и бактерии, неизвестные науке.

– Да ладно, от наших пропитанных радиацией и пестицидами тел отскочит любая древняя бактерия, – не унимался Игорь. – А может, и более крупные субъекты не выдержат.

– Теперь я знаю, отчего вымерли динозавры, – торжественно провозгласил я. – Горыныч отравил их запахом своих носков.

– Нет, это Серега распугал несчастных животных своим перегаром.

Конец нашему познавательному диалогу положил Бэдмен, провозгласивший:

– Готово! Куда отправимся?

– Давай действительно в палеозой махнем! – предложил я.

– Это сколько лет до нашей эры? – озадачился Мишка.

– Эх, темный ты человек, Михаил, историю в школе не учил! – шутливо-укоризненно попенял я другу. Но тут же признался: – Черт его знает, сколько лет. Крути от балды несколько миллиардов!⁶

Мишка набрал в строке «год» цифру с огромным количеством нулей и нажал «Enter». В следующее мгновение из включившегося «окна» хлынул поток воды.

– Вырубай, твою мать!!! – заорал Гарик, резво вскакивая на журнальный столик.

Бэдмен стал судорожно жать кнопки на «клаве». На от-

⁶ Герои романа, в отличие от автора, совершенно не разбираются в геологических периодах и истории Земли.

ключение установки у Суворова ушло несколько секунд, за это время уровень поднялся до колен. Наконец водопад словно отсекло гильотиной, и высокая волна устремилась из комнаты в прихожую и кухню. В потоке мелькнуло что-то темное и длинное.

– Серега, тут крокодил!!!

Я схватил со шкафа бейсбольную биту и бросился в бой. Пришелец оказался не крокодилом, а чудовищной рыбой. Удары моего оружия не причиняли противнику никакого вреда. На подмогу мне устремились друзья. Игорек прижал тварь к полу тяжелым креслом, Бэдмен атаковал с фланга свинцовой кувалдой. Через несколько минут отчаянной драки килька перестала трепыхаться и клацать длинными зубами. Наступила относительная тишина. Стало слышно, как журчит под входной дверью вытекающий на лестничную площадку ручеек, да шипит на шкафу Мотька.

– Что это было? – хрипло дыша, спросил Горыныч.

Мишка выдал длинную матерную конструкцию, упомянув мать «этой долбаной палеозойской селедки», а также подробно описав, в каких противоестественных отношениях он с ней состоял.

– Ребята, я вспомнил! – озарило меня. – Вода-то соленая! На месте Москвы в древности было море!

– Что же ты раньше не сказал, умник хренов. А это что за скотина?

– Фиг знает. Наверное, панцирная рыба.

– Сережа, скажи мне, пожалуйста, – вкрадчиво-ласково начал немного успокоившийся Бэдмен, – а для каких таких целей ты держишь на письменном столе кувалду?

– Ты наверняка качал что-нибудь из Инета. Вот и представь – качаешь, качаешь, почти все уже скачал, а тут обрыв связи. Что тебе в таком случае хочется сделать?

– Разбить монитор молотком! – хмыкнул Мишка.

– Вот-вот! Именно на такой случай я и держу под рукой кувалду, – улыбнулся я. Мне показалось, что ребята так и не поняли, шучу я или нет. – Ладно, мужики, хватаем ведра и тряпки, пока соседи снизу не прибежали.

Наведение порядка заняло несколько часов. Соседи все-таки нанесли нам визит, но пятьсот долларов компенсировали их беспокойство.

– Хорошо, что в юрский период не поперлись, а то бы вместо этой рыбки отбивались от тираннозавра, – сказал Гарик. – Давайте в следующий раз отправимся в более близкую эпоху.

– Я лично хочу посмотреть на живого Юрия Долгорукого или на худой конец на Дмитрия Донского, – мечтательно проговорил Мишка.

– Зачем тебе худой конец Дмитрия Донского?! – расхохотался Игорь. Я врубился и заржал вдогонку. Мишка некоторое время смотрел на нас недоумевающе, но тут дошло и до него. Через мгновение смеялись уже втроем. Нахохотавшись вволю, я попытался осмысленно подойти к выбору цели.

– Все отличие Средневековья от допотопных времен состоит в том, что вместо динозавров сюда полезут мужики в латах с топорами и копьями в руках, – охладил я Суворова. – Прежде чем бросаться в объятья к нашим предкам, надо грамотно подготовиться. Думаю, парочка «калашей» и десяток гранат не будут лишними. Дружище Бэдмен, насколько я знаю, ты неплохой пулеметчик. Купим тебе на черном рынке «ПК», не с кувалдой же на Батыя идти.

– А ты уже решил монгольское нашествие остановить. Давай для начала хоть одним глазком посмотрим, что творится в одна тысяча сто сорок седьмом году, – не унимался Михаил.

– Почему в тыщца сто сорок седьмом? – удивился Игорь.

– Первое упоминание Москвы в летописях⁷, – блеснул эрудицией Бэдмен. – Мужики, риск – дело благородное.

– Я не против, – сказал Горыныч, беря в руки битую и вставая у «окна».

– Ладно, Мишка, рискнем, – согласился я, поднимая с пола кувалду. – Заводи машинку, только внеси поправки в программу, чтоб отключить можно было в одно касание.

Обрадованный Суворов сел за компьютер и через пару минут провозгласил: «Врубаю!»

В «окне» показались мохнатые лапы елей, сильно запахло хвоей. Гарик с битой на изготовку осторожно приблизился к

⁷ Герои совершенно не помнят исторических дат. Но эта дата засела в головах всех москвичей после бурно отпразднованного юбилея «850-летие Москвы».

проему. Я встал рядом.

– Никого, – доложили мы Бэдмену.

Мишка оторвал палец от клавиши возврата и почему-то крадучись подошел к нам.

– Лес кругом, – констатировал наш гений. – А чего земля-то так низко, мы же почти на верхушках деревьев.

– Третий этаж! – объяснил я. – Это радует, вряд ли кто-нибудь сумеет к нам залезть.

– А где Москва, где ее золотые купола и запах пирогов?

– Так двадцать километров от центра, Михаил! Зато мы доказали – восемьсот пятьдесят лет назад не было района Орехово-Борисово.

– Получается, что наша установка жестко привязана к определенным координатам в пространстве, – рассудительно сказал Игорь.

– Ага, к проходу из комнаты в прихожую! – усмехнувшись, подтвердил я. – Что дальше?

– У тебя веревка есть? – деловито поинтересовался Мишка.

– Есть на кухне, которая сейчас от нас отрезана.

– И почему ты рамку к стене не поставил?

– Тогда в ноль восьмом я бы в бетон упирался, а не за долларами бегал.

– Какой же ты меркантильный! Ну ладно, полюбовались на природу, послушали птичек, пора отключаться, – подвел итог Игорь.

– Подожди, есть одно незаконченное дело, – сказал я, приволок за хвост трофеей предыдущего похода и швырнул его в густой ельник. – Пускай теперь ученые голову ломают, откуда в двенадцатом веке взялась панцирная рыба.

Мы отключили аппарат и приступили к обсуждению планов. Суворов предложил в следующий раз воспользоваться веревочной лестницей. Горыныч выступил с идеей установить в комнате лебедку с электроприводом.

– Вы бы еще лифт построили, – сказал я друзьям. – Спуститесь с небес на землю. Или, как в нашем случае, на три этажа вниз. Установку надо монтировать на уровне почвы. И лучше всего сделать ее передвижной, тогда в любое интересное место мы сможем легко добраться в свое время.

– Значит, будем собирать темпор-машину в автомобиле, – Гарик сразу ухватил суть вопроса. – Питание я переделаю на постоянный ток. Поставим пару мощных камазовских аккумуляторов. Рамку расположим внутри кузова, так что с виду будет обыкновенный грузовик.

– Тогда вместо этого железа, – Бэдмен кивнул на мой компьютер, – надо приобрести хороший мощный ноутбук.

– Отлично, вот и договорились. Ты, Гарик, будешь заниматься хардом. Ты, Мишка, софтом. А я буду бегать в чипок за пивом и сигаретами.

И работа закипела.

Глава 4

Следующая неделя оказалась очень насыщенной. Мы все официально уволились с работы и, на всякий случай, оформили наше трио как юридическое лицо. Суворов предложил назвать фирму «Хронос». Я саркастически добавил: «Фирма «Хронос», экскурсии по временным потокам». Но в результате ограничились покупкой готового общества с ограниченной ответственностью под совершенно нейтральным названием «Веспа М».

Под установку передвижной темпор-машины мы купили подержанный фургон «Газель». Затем мы намеревались арендовать помещение под офис и большой ремонтный бокс. Мишка даже предлагал переманить к нам сотрудницами двух девочек с нашей старой работы. Причина была в том, что наш бравый вояка Суворов был в общении с женским полом робок, а тут пропадавал налаженный контакт. Я и Гарик с трудом отговорили Мишку от трудоустройства к нам делопроизводителями всех его немногочисленных подружек. Но после некоторых раздумий от идеи создания офиса мы отказались. Временный штаб было решено устроить в моей однокомнатной квартире, так как я единственный из троих не был отягощен родственниками. А под «Газель» арендовали простой гараж на ближайшей стоянке.

Горыныч плотно засел в фургоне, занимаясь монтажом

новой установки. Суворов, обложившись сразу тремя компьютерами, соединенными в локальную сеть, шлифовал и тестировал программу управления. А я, выбив прокладку выделенной линии к Интернету, сортировал огромное количество исторической информации да к тому же обеспечивал ребят всем необходимым для работы, включая пиво и сигареты.

Свою казну пополняли ежедневными утренними набегами в две тысячи восьмой год из моей квартиры. В целях конспирации меняли обычно всего по несколько тысяч. В прошлое отправлялись вдвоем, а третий страховал. Но, несмотря на страховку, отправляющиеся в поход все равно испытывали беспокойство – а вдруг установка отключится. В целях сохранения душевного спокойствия решено было устроить мозговой штурм и решить раз и навсегда эту проблему.

И вот в один прекрасный вечер мы засели на моей кухне. По старой привычке, для стимуляции мозговой деятельности прихватили ящик пива. Расселись вокруг стола, разлили и углубились в расчеты.

Дело продвигалось медленно. Около полуночи, после третьей бутылки я что-то нащупал и поделился новостью с друзьями. Процесс пошел веселее. После пятой мы продолжали считать, после шестой тоже, а после седьмой я отрубился. Очнулся только под утро. Игорь спал в кресле, Мишка уютно свернулся калачиком на ковре, вокруг них были разбросаны листки с расчетами и схемами, ящик с пивом опу-

стел. Стараясь не разбудить ребят, я собрал бумажки, достал из холодильника и откупорил свежую бутылочку и снова напряг свои пропитанные алкоголем извилины. После нескольких больших глотков ледяного пива мозг включился и сумел осмыслить информацию, наработанную друзьями за ночь. Через несколько минут, на основе их выводов, меня буквально осенило, и я начал лихорадочно чертить схему. Когда проснулся Гарик, я допивал вторую бутылку и встретил его радостным сообщением, что, кажется, решил проблему. Решение было столь же простое, сколь гениальное. Я предложил сделать дистанционное управление и отключать канал со стороны выхода. «Окно» не закрывалось, а сворачивалось. С точки зрения путешественника, остающегося в прошлом, время в будущем останавливалось.

– Можно переходить от теории к практике, – прохрипел я. – Вот список необходимых компонентов. – В руки Горыныча перекочевал измятый листок. – Обеспечь наличие, – с этими словами я отключился.

Проснулся ближе к вечеру. Ребята перенесли меня в комнату, уложили на диван и заботливо укрыли пледом. Рядом на полу предусмотрительно было оставлено ведро со льдом, из которого торчали запотевшие горлышки бутылок пива и минералки. На выбор. «Спасибо, мужики!» – с благодарностью подумал я.

С кухни доносились голоса и звуки музыки. Попив холодной водички, я отправился на шум. На столе находилось

дикое нагромождение микросхем, конденсаторов, резисторов, из которого проглядывали контуры прибора и крохотная, диаметром всего в пятнадцать сантиметров, рамка «окна». Множество проводов вело к компьютерам.

– Наконец-то! Наш гений пришел в себя! – радостно заорал Суворов.

– Серега! Мы уже третий раз твое изобретение испытываем, – хлопнув меня по плечу, сказал Горыныч.

– Ну и как? – спросил я.

– Работает, мать твою! Работает! – хором закричали друзья. – Вот смотри!

И они развили бурную деятельность, что-то включая, чем-то щелкая, по проводникам забегали искры, а в малюсеньком «окошке» появилось изображение. Там был яркий солнечный день.

– Опять лес! – сказал я. – В какое хоть время попали?

– Да какая на хрен разница! – ответил Гарик. – Главное – вот это!

Игорь показал мне бесформенный комок примотанных друг к другу синей изолентой деталек, соединенных между собой проводами разного сечения.

– На внешний вид не обращай внимания – лабораторный экземпляр. Дизайном займемся потом. Форму эргономически выверим... А по сути – это пульт для дистанционного управления «модулятором» с той стороны, – объяснял Игорь. – Для испытаний мы прикрепили к нему два таймера –

на сворачивание «окна» и на его последующее разворачивание. Ставим первый таймер на пятнадцать секунд, второй – на тридцать. Потом оставляем сие устройство в прошлом. Тут рядом веточка сосны очень удобная, на нее и положим.

Горыныч проделал несколько манипуляций и сунул руку с пультом внутрь рамки. Со стороны это смотрелось жутковато – рука до локтя просто исчезла.

– Опыт номер четыре! – торжественно провозгласил Бэдмен, Гарик выдернул руку, и мы втроем уставились на «окно». Прошло несколько секунд, и оно действительно выключилось. Через мгновение включилось, я пошарил внутри и наткнулся на пульт.

– А ты говорил, что второй таймер поставил на полминуты, – сказал я Игорю.

– На полминуты! – подтвердил он. – Но ты же сам предсказал этот эффект, время там идет, а у нас стоит. Мы, когда в первый раз врубили, то подумали, что таймер неисправен. А вообще, чтобы окончательно убедиться, надо самим с той стороны кнопку нажать.

Следующий день потратили на доводку нового блока и его последующий монтаж в «Газели». К вечеру работа была закончена, и мы включили установку, не выезжая из гаража. Пятьсот лет назад, лето. На всякий случай перестраховались – в прошлом оставили видеокамеру. Таймер пульта ДУ выставили на полчаса. «Окно» благополучно свернулось, через мгновение развернулось. Проверили видеокамеру – она

действительно тридцать минут исправно снимала кусты малины. Свернувшееся «окно» было абсолютно незаметно.

Настало время самим проверить качество работы аппаратуры. В прошлое залезли втроем. Нажатие кнопки на пульте, и висевший над травой проем, за которым виднелись внутренности «Газели», исчезает. Мишка сделал несколько шагов вперед, прошел сквозь то место, где только что висело «окно». Оно не просматривалось и не прощупывалось. Стало как-то неуютно, если не сказать жутко.

– Горыныч, жми!!! – заорал я.

Гарик торопливо надавил кнопку, «окно» развернулось, мы дружно ввалились в такой родной и привычный фургон и изнеможенно распростерлись на полу. Испытание можно было считать удачным.

Глава 5

Добыть современное стрелковое оружие оказалось делом более простым, чем представлялось вначале. Мишка, проходивший срочную службу в спецназе пограничных войск, вспомнил, что в девяностом третьем году из-за сокращения финансирования свернули тренировочный лагерь их полка под Тулой. На территории бывшей базы теперь был пустырь с остатками фундаментов. Так что мы просто заезжали на своей «Газели» прямо в оружейный склад, включали темпор-машину и брали с полок любое оружие и боеприпасы. По заверению Суворова, их комендант воровал грузовиками, пошел под трибунал, так что угрызений совести никто из нас не испытывал.

Сначала мы хватали первое, что подворачивалось под руку – «АКС». За каким-то чертом набрали аж четыре ящика. К ним мы прихватили десяток цинков с патронами. Сначала этот штабель размещался в моей «однушке», а после покупки Гариком «двушки» – переехал туда. Момент погрузки-разгрузки оружия у подъезда жилого дома стал самым большим впечатлением нашей жизни, после испытаний темпор-машины, естественно.

Затем мы стали подходить к выбору оружия более осмысленно – ящиками уже не хапали, выбирали более придирчиво. Тогда наш арсенал пополнился парой «ПК», парой

«СВД» и пятью «ПМ». Суворов предлагал также взять гранатометы «Муха» и реактивные огнеметы «Шмель», но тут встал стеной Горыныч, заявивший, что развязывать полномасштабную войну не собирается и, следовательно, не будет засорять свое жилище всяким металлоломом.

Остро встал вопрос размещения всего этого «богатства». Громоздить в квартирах баррикады из ящиков никому из нас не хотелось. Да и хранить оружие в жилом доме... Нужно было найти тихое место, вдали от людских глаз, но желательно в пределах часа езды от МКАДа. После долгих переговоров с риелторами и осмотров недвижимости всех мастей мы, наконец, нашли то, что искали. Трехэтажный особняк-недострой из красного кирпича, стоявший заброшенным с самого начала «мирового финансового кризиса». Тогда, в конце 2008 года, много таких пустых «коробочек» украшало собой дачные поселки. Но к 2010 как-то постепенно большинство долгостроев нашли новых хозяев. Однако наш «дворец» так и остался бесхозным – сказались поистине титанические размеры хоромины и ее неудачное, с нормальной точки зрения, расположение. И хотя номинально до МКАДа было всего ничего – полста километров, глушь там была дичайшая!

Дом стоял на отшибе, в двух километрах от ближайшего жилья и в восьми километрах от Симферопольского шоссе. Кроме общей удаленности, проезд к этому поселку был затруднен практически полным отсутствием дороги (разве можно назвать дорогой направление, в котором идут две глу-

бокие, залитые жидкой грязью колеи?) и глубоким оврагом, форсирование которого можно было приравнять к штурму Перекопа. Сам поселок представлял из себя разбитое проволочными изгородями на участки голое поле, густо поросшее бурьяном. На участках изредка встречались заплывшие землей котлованы либо «развалины» фундаментов. На иных не было и этого – строительство дальше «нулевого» цикла не пошло. То ли деньги у застройщиков кончились, то ли сами застройщики не пережили кризис.

Это все было нам на руку – мы по дешевке скупили прилегающие участки. А после некоторого раздумья – все участки поселка-призрака.

Сам дом очень хорошо перенес два года запустения. Правда, ломаться в нем было нечему – нам достались голые стены, покрытые временной крышей из рубероида. Да и коммуникации к поселку в свое время подвести так и не успели. Зато общая площадь объекта составляла почти тысячу квадратных метров, включая огромный гараж, почти ангар, где легко поместилось бы пять машин.

При первом осмотре нашего нового приобретения мы были поражены гигантской кучей песка посреди холла первого этажа. Как строители умудрились натаскать столько внутрь дома – осталось загадкой! Да и зачем это было сделано?

– Здесь можно в куличики играть! – проворчал тогда Бэдмен. – Никогда не видел такой большой песочницы.

После этих слов за базой стойко закрепилось название

«Песочница».

Большого ремонта в «Песочнице» проводить не стали – закончили крышу, установили окна и двери. Огородили весь участок забором из сетки-рабицы. Укрепили подвал. Вот в подвале и заскладиrowали весь наш арсенал.

К тому времени он состоял из десяти «АКМ», двадцати «АКС», двух «ПК», двух «СВД», нескольких пистолетов-пулеметов «Кедр» и «Кипарис», двух десятков пистолетов от «ПМ» и «АПС» до «Гюрзы». А огромное количество оптических и коллиматорных прицелов, приборов ночного видения, тактических фонарей, радиостанций и прочей спецтехники, на которой очень настаивал вошедший во вкус Бэдмен, мы свободно приобрели в обычных московских оружейных магазинах.

Приди нам в голову развязать войну – так хватило бы на вооружение небольшой армии! Горыныч на полном серьезе предлагал захватить власть и княжить где-нибудь в X—XII веках. И остановило его только полное отсутствие привычных коммунальных удобств в виде теплого ватерклозета и телевидения. Да и смысл? Власть ради власти? Потом Бэдмен несколько раз порывался что-то изменить в истории. То «помочь нашим» на Калке, то разгромить орды Батыея. А вскоре дошел до покушения на Ленина, благо мы отлично знали, когда и где произошло покушение, случившееся в реале.

Как раз последнее предложение было принято. Именно из-за удобства его реализации. Мы доехали на «Газели» в

нужное место, развернули «окно» и открыли автоматный огонь. Нда... подстраховали Фанни Каплан, нечего сказать. Изрешетили самого Ильича, его водилу, да и от автомобиля ничего не осталось. Мишка потом полдня ходил гоголем, а нас с Горынычем трясло, да так, что нам пришлось залиться коньяком по самые брови. Ведь по живым людям мы стреляли в первый раз.

Но толку от нашей эскапады не было никакого. Ни в одном учебнике истории не изменилось ни строчки. Что лишний раз убедило нас в параллельности миров и бесполезности всякого рода попыток как-то повлиять на исторический процесс.

Но раз нельзя что-то изменить, то можно зафиксировать! И мы рванули «в мир», старательно архивируя все мало-мальски интересные события. В этом нам помогало мое новое изобретение – «глазок». Он представлял собой миниатюрное «окно», размещенное на объективе цифровой видеокамеры. «Модулятор сигнала» и источник питания после многочисленных модернизаций стали совсем крохотными. Для маскировки весь аппарат размещался в корпусе большой профессиональной видеокамеры. Теперь, прогуливаясь по улицам Парижа, Лондона или Рима, я в любой момент мог взглянуть на ту же улицу, отделенную от меня несколькими веками. На экскурсии по Тауэру, поднявшись на крепостную стену, я снял отличный фильм о знаменитом лондонском пожаре. А сколько гигабайт видеозаписей было привезено по-

сле посещения Колизея! Правда, переплюнуть в зрелищности голливудского «Гладиатора» мне не удалось – действительность всегда тусклее фантазии.

Самим походить по плитам Аппиевой дороги времен Гая Юлия Цезаря или по булыжнику Монмартра рядом с Тулуз-Лотреком не получалось. Проблема была в перевозке громоздкой рамки «окна», а еще в плохом знании языка и обстановки. Засыпаться можно было на ерунде. Даже кратковременные походы по средневековой Москве оставляли массу эмоций из-за постоянного риска быть опознанными аборигенами как чужаки. Нормально мы чувствовали себя только во временах, вплотную прилегающих к настоящему или дореволюционным, начала двадцатого века. И то для успокоения нервов приходилось брать с собой пистолеты.

Где-то через шесть месяцев после начала эпопеи у нас произошел серьезный разговор о перспективах нашей дальнейшей деятельности. Дело в том, что нас начал одолевать приключенческий зуд. Ну согласитесь – придумать и собрать на коленке машину времени только для того, чтобы набивать карманы, пользуясь разницей в курсах «зеленого» к «деревянному»? Да и сами мы стали меняться в худшую сторону. И эти изменения не нравились всем троим. Но мы упорно продолжали «мутировать». Нет, мы не стали монстрами, у нас не открылся третий глаз. Просто мы постепенно превращались в тех, кого всегда презирали, – этаких «новых русских». До малиновых пиджаков от Гальяно и полукилограм-

мовых золотых цепей дело не дошло, но... процесс был запущен.

Мы с друзьями обзавелись иномарками, дорогими сотовыми телефонами и костюмами от итальянских дизайнеров с педерастическими фамилиями. Обедать ездили непременно в какой-нибудь дорогой ресторан, а ужинали в модных ночных клубах. Сказывалось наше предыдущее полунищенское состояние – мы старательно гребли под себя все, до чего могли дотянуться, с трудом удерживаясь порой на грани здравого смысла.

Гарик из нас троих первым решил обзавестись недвижимостью и купил недорогую двушку на окраине Москвы. Его можно было понять – он жил в большой семье. Но затем ему стукнуло в голову приобрести квартирку подороже и побольше, а братьев и родителей обеспечить отдельным жильем. И «зарабатываемые» нами финансы вполне позволяли ему осуществить подобное.

После столь крупных затрат Горыныча Суворов, живший с пожилой матерью и тетей, тоже не удержался и приобрел пару квартир. Тут сорвался и я. В моей старенькой квартирке уже не помещалась коллекция японского клинкового оружия, накопленного в московских антикварных и оружейных магазинах начала прошлого века. И я перебрался в прекрасные двухуровневые апартаменты в элитном комплексе «Алые паруса».

Вот как раз на новоселье и произошел тот разговор. Я по-

казывал Гарику верхний уровень квартиры. Гости, в количестве двадцати двух человек, разбрелись по необъятным просторам. Мишка с какой-то девчонкой затерялся в районе спален. С непривычки заблудиться в этой квартире было легко – ведь общая площадь апартаментов составляла почти двести квадратных метров.

– Обрыдло все, Серега! – сказал Игорь, проваливаясь в мягкие объятия гигантского кресла, стоящего в эркере. – Рубим, рубим эту капусту, тошнит уже. Напиться, что ли, как в старые добрые времена, до полной отключки. Может, тогда тоска отпустит. Есть здесь спиртное?

– Сейчас посмотрю. – Я прошелся по периметру комнаты и в застекленном шкафчике обнаружил искомое. – Тебе чего?

– Водка там есть?

– Нет, – сказал я, внимательно осмотрев содержимое. – Тут сплошь благородные напитки. Виски, ром, коньяк?

– Тащи коньяк!

Я прихватил бутылку «Хеннесси», стаканчики, вазочку с орешками и утонул в соседнем кресле. Мы выпили грамм по пятьдесят, закусили.

– Блин, у тебя даже орехи с выпендрежем – кешью! – возмутился Горыныч, рассматривая содержимое вазочки. – Нет чтобы простого арахиса насыпать!

– Можно подумать, что это я кешью на закуску положил, – обиделся я. – Комплектованием баров профессионал зани-

мается. Я к новоселью специально такого нанял!

– Тогда понятно, почему в баре водки нет... – грустно кивнул Горыныч. – Невместно нам, пинжакам... Налей еще!

Мы выпили еще. А потом Горыныч поразил меня тем, что достал из кармана кожаный чехольчик, а из него – трубку «Данхилл». Я чуть из кресла не выпал! Гарик вообще никогда не курил, а тут сразу трубку! Да еще и стоимостью в несколько тысяч баксов.

– А ты, Серега, не знал, что я курить начал? – удивился Гарик, видя мою реакцию.

– Нет, да и когда ты успел? – мы не виделись пару недель, пока я был занят хлопотами по обустройству жилья.

– Когда-когда... дурное дело – нехитрое! – усмехнулся Горыныч. – Я решил, что курить трубку – это круто. Накупил разных аксессуаров – всяких щеточек, скребочков и ершиков. Трубок штук пять завел. Табаков разных целый чемодан.

В комнату ввалился растрепанный Суворов и с порога радостно заорал:

– Серега! Ну ты и деятель! Ты в курсе, что у тебя в каждой комнате бар? Я в ванную на первом этаже забежал руки помыть... – При этих словах мы с Гариком синхронно хмыкнули – знаем мы, какие части тела моют после общения с противоположным полом. Но Миша, нисколько не смутившись, продолжил: – Помыл, решил полотенце поискать – а то на крючке уж больно маленькое. Открываю шкафчик –

там бутылки стоят, стаканчики, подсветка, и даже музыка заиграла.

– Бар в сортире – это уже извращение! – с удовольствием сказал Горыныч, едва сдерживая смех.

– Да ладно, не наезжай на Серегу, – заступился за меня Суворов. – Он, наверное, при разговоре со своим дизайнером болтнул что-нибудь, и вот результат!

– Ну, ты, блин, даешь, Серега! Таким снобом заделался! – продолжил обличать Горыныч. – Что у тебя в холле за порнография висит?

– Это не порнография, а эксклюзивные эротические календари фирмы «Пирелли»! – возмутился я. – Их, между прочим, всего по пять тысяч штук печатают и адресно рассылают VIP-персонам! И лучшие фотографии мира снимают для него лучших моделей!

– Вот я и говорю – сноб и нувориш! – не унимался Гарик.

– А я, между прочим, спонсорством занимаюсь! – попытался оправдаться я.

– Знаю я твое спонсорство – успокаиваешь совесть подачками в детский дом! И сколько ты им денег даешь?

– Перестал я им деньги давать. Воруют! Везу в основном одежду, книги, сладости и игрушки для самых маленьких. А ты на какие добрые дела тратишься?

– Недавно оплатил операцию по разделению сиамских близнецов. В Канаду пришлось мальчиков везти. А потом купил этой семье трехкомнатную квартиру и машину.

– Пропьют! – убежденно сказал Мишка. – Когда на людей деньги с неба падают, они пускаются во все тяжкие. Вот посмотрите на нас – какой херней мы занимаемся!

– А что вы предлагаете? – окончательно разозлившись дурацким наездом, заорал я. – Какие у вас идеи, кроме универсальной: напиться-забыться?

– Надо сделать что-нибудь глобальное, – глубокомысленно изрек Гарик. – Не пользоваться историей как продажную девку, а попытаться внести изменения!

– А надо ли? – попытался я охладить пыл друга. – Ну вот грохнули мы Ленина? И что? Да ничего! В нашей реальности ничегошеньки не изменилось! Ведь доказали уже: любой наш поступок вносит определенные изменения в реальность, но если по возвращении изменения не видны, значит, это другая реальность, другой мир, а тот, с изменениями, стал параллельным. Следовательно, можно отправляться в любой век, в любой год, убивать хоть Чингисхана, хоть Гитлера, хоть Сталина, даже своих предков (прости меня, Господи!). И по возвращении убедиться в том, что в прошлом нашего мира ничего не произошло.

– Да, что там говорить, – посмурнел Гарик. – Если даже простое пересечение «окна» уже ответвляет новую реальность, а посмотреть, во что выльется наше вмешательство в историю, мы не можем!

– Да, жаль, – вздохнул разом утративший веселость Мишка. – Наливай!

Мы снова выпили. В это время на лестнице раздался шум и в комнату ввалилось несколько гостей. Празднование новоселья шло полным ходом. Наш разговор пришлось прервать.

Глава 6

После просмотра моих документальных фильмов Игорь понаделал три десятка «глазков» и решил отнять лавры у Сергея Бондарчука, сняв масштабное полотно об Отечественной войне 1812 года. Собрав оборудование, Гарик отправился под Бородино. Технология видеосъемок картин из прошлого была достаточно простой, но все же хитрее, чем у меня. Ведь я, как правило, снимал одним планом с одной или двух точек. Игорь же сначала обходил театр военных действий с ручной камерой, собирая данные о произошедшем и глядя на то, как разворачиваются события, подбирая места установки стационарных «глазков». С камерами, установленными на четырехметровые шесты, Гарик лазил по всему полю, добиваясь лучшего ракурса. Такой длинной подставкой он стал пользоваться после того как во время очередного разведвключения в открытое «окно» влетел идущий в атаку на батарею Раевского французский эскадрон. Будь «окно» побольше, последствия были бы гораздо печальнее. А так Игорь отделался только разбитым объективом. Теперь же камеры располагались выше самого высокого кавалериста.

С этими съемками Горыныч возился довольно долго. Только на Бородинскую битву ушло полтора месяца. Такой увлеченности можно было только позавидовать. Мы с Миш-

кой периодически помогали ему. Я разыскивал в архивах необходимые сведения о местах боев и составе участников. Бэдмен занимался цифровым монтажом записей. Ну и, конечно, пришлось послужить Игорю в качестве грубой рабочей силы.

К слову сказать, те фрагменты, которые мне удалось посмотреть, не впечатляли. В художественном фильме все выглядит гораздо красочней. И дело здесь не только в выборе ракурса или экспозиции. В реальности все слишком грубо – мундиры на бойцах покрыты пылью и грязью, к тому же у солдат они не новы и потому выцвели и потерялись. При каждом залпе ружей и тем более пушек в небо поднимаются клубы очень густого дыма, который долго не рассеивается. От тысяч прошедших по ней ног и копыт земля превращается в месиво. Звуки, исторгаемые людьми и животными, сливаются в гул, в котором выделяется только бряцанье оружия. Ничего похожего на описанный поэтами звон клинков, а только немелодичный лязг. Мне казалось, что переплюнуть Бондарчука не удастся. Все-таки кино и реальная жизнь очень разные. Эта банальная фраза особенно подтверждается при съемке больших батальных сцен.

Но Горыныч превзошел самого себя. Его кинокартина поражала своим размахом и эпохальностью. При просмотре меня мучила только одна мысль: куда делся дым? Этот вопрос я и задал Игорьку после сеанса.

– Компьютерная обработка, мон шер! – довольно хмык-

нул Игорь.

– Чудеса! Я помню момент атаки французов на флешу во время второго приступа. Там твоя камера установлена над бруствером. Артиллерия русских бьет в упор, и все застигают белые клубы, а когда они рассеиваются, в поле зрения одни трупы. А здесь прекрасно видно, как картечь косит наступающих. Такого кошмарного зрелища мне видеть не доводилось. Искусственно создать такой эффект не смогли бы даже в Голливуде. Я помню похожие сцены в фильме «Патриот» с Мелом Гибсоном. Помнишь, там во время сражения то голову оторвет, то ногу? Но твой фрагмент гораздо мощнее смотрится! У меня даже мурашки по коже бегают.

– А рейд казаков и легкой кавалерии по тылам французов? – вмешался в разговор Бэдмен. – Я таких озверелых морд никогда не видел. И это я, который в реальных боях побывал. Представь, что почувствуют зрители!

– Да, это тоже сильный момент. А контратака русских под командованием Багратиона и его ранение?

– Чисто зрелищно смотрится неплохо, а так, конечно, смотреть на наших ребят жалко, устали они нечеловечески – целый день тяжелый бой, и очередная контратака просто добивает их. Вы же видели – они еле бегут!

– Сколько сил у меня ушло, чтобы поймать момент ранения Багратиона, – сказал Игорь. – Вроде и место, и время известны, а ты попробуй найди определенного человека в этой мясорубке на площадке такого размера!

– Да, Игорек, ты просто гений кинематографа! За такой фильм «Оскар» тебе обеспечен!

– Осталось только найти способ представить мою картину широкой публике.

– И вот еще что, ребята! – сказал я. – После просмотра всего материала у меня сложилось четкое и однозначное мнение – русские должны были выиграть эту битву.

– А разве они ее проиграли? – спросил Мишка.

– По всем канонам ведения войны оставление поля боя противнику равнозначно поражению, – ответил я.

– Тогда с чего ты взял, что наши должны были победить?

– Вы обратили внимание, что на левом фланге русских войск, в лесу, стоял корпус под командованием генерала Тучкова. После того как вражеские войска полностью втянутся в сражение и будут измотаны, свежий корпус должен был нанести мощный удар во фланг. Примерно как Засадный полк на Куликовом поле. Вряд ли Кутузов стал бы выставлять свои войска на избиение, не имея замысла разгромить противника.

– Почему же этого не произошло?

– Тут настоящее предательство. Вспомните кадры из ставки Кутузова. Там какой-то штаб-офицер, говорящий с акцентом, самовольно отдает приказ корпусу Тучкова выйти на опушку леса. Там наших тут же засекли французы и открыли по ним огонь. Корпус понес большие потери, а главное – был засвечен. Так что в финальной фазе боя Тучков, полу-

чив приказ от командующего атаковать, сам повел остатки своих войск и погиб, не добившись результата.

– Вот оно что! – задумчиво протянул Бэдмен. – Действительно, припоминаю я этого офицера и его приказ. Узнать бы его фамилию.

– Зачем?

– Довести до сведения общественности, кто виноват, что наши проиграли Бородино и затем оставили Москву.

– Нам никто не поверит, да и к чему это? Восстановить историческую справедливость? А не лучше исправить эту ситуацию?

– Каким образом?

– А вот к тому «глазку», что установлен на Багратионовых флешах, добавить пулемет. Или два, – подкинул я идею.

– Ты бы еще предложил туда установку «Град» добавить! В ту Отечественную войну русские без всякого вмешательства неплохо справились. И со своей земли захватчиков выгнали, и Париж взяли, – не сдавался Мишка.

– Да, но потери могли бы быть гораздо меньше, – продолжал я. – А это положительно скажется на демографической ситуации в стране.

– Ерунду ты говоришь! – вмешался Горыныч. – В какой стране это будет?

– Как это в какой? – не въехал я. – В России конечно!!!

– В какой России? – продолжал Игорь. – В какой-то!!! То, что не в нашей, совершенно точно! Все наше вмешательство

пойдет коту под хвост! Так что бросай, Серега, эти разговоры, не трави душу, а то репу начищу!

Как-то Игорек принимает все близко к сердцу. Надо бы мне заняться проблемой параллельных реальностей. Это только в евклидовой геометрии параллели не пересекаются.

С того самого дня я плотно засел в своем логове, одну из комнат которой превратил в лабораторию. Эксперимент за экспериментом. Каждый день. С утра до поздней ночи. Я забросил все развлечения. Ни капли спиртного. Похудел на десять килограммов. Прошел месяц, и у меня забрезжила идея.

В принципе бросить якорь в какой-нибудь реальности не представляло особого труда. Теоретически достаточно оставить за «окном» пульт ДУ с таймером, так, как мы делали в первом эксперименте. Таймер настроить на включение в определенное время. Например: мы каким-либо образом препятствуем большевикам захватить власть в стране, затем настраиваем таймер на семьдесят лет, уходим и сворачиваем «окно», у нас проходит ноль секунд, у них отмеренное время. И вот, пожалуйста, «окно» открывается, и мы входим в измененную нами реальность, где Россия никогда не была Советской.

На практике возникает много «но». Начиная с варианта, что таймер с пультом ДУ найдут аборигены, как бы мы это устройство ни прятали. Вариант второй: машинка просто портится, и все наши планы летят к чертям. Можно при-

думать еще сотню вариантов, потому что при такой установке приборов слишком много зависит от случайностей. Хотя эту идею я не отбрасывал, ведь включать таймер можно на небольшой отрезок времени.

Также я экспериментальным путем выяснил, что после небольшой доработки «модулятора» можно сворачивать «окно» и с нашей стороны. Тогда время останавливалось уже в оставленной нами реальности. Еще одним результатом моих изысканий стало открытие невозможности проникновения в близкое прошлое. Сначала это удивило меня. Ведь ходили же мы в две тысячи восьмой, мы практически туда шоссе проложили. Но оказалось, что машинка не срабатывала, только если была близка вероятность столкнуться в прошлом с самим собой. Выглядело это так: завожу машинку на час назад – «окно» не открывается, только по рамке начинают бегать симпатичные синие молнии. Для проверки ставлю дату полугодичной давности – «окно» исправно открывается, показывая пустую лабораторию. Естественно, ведь полгода назад эта квартира еще пустовала в ожидании покупателя. Хорошо, устанавливаю сегодняшнее число, а время – три часа ночи. И опять «окно» послушно показывает темное помещение. Чтобы убедиться окончательно, выхожу из квартиры и полчаса гуляю по улице. Вернувшись, начинаю гонять машину в диапазоне этих тридцати минут. Итог: «окно» открывается только в то время, когда я находился на максимальном удалении от дома.

Кажется, что темпор-машина как-то наивно, по-детски, пытается предотвратить встречу с моим двойником. Это стало для меня настоящим откровением и заставило думать о мистическом происхождении машины времени. Через несколько дней это предположение получило еще одно подтверждение.

Уже давно я стал замечать некоторые странности, происходящие со мной при длительном пребывании в прошлом. К примеру, у меня совсем не росли ногти и волосы. Ну, рост волос на голове заметить трудно, но вот когда целую неделю не растет щетина на лице... Это уже о чем-то говорит. Большая прогулка в прошлое напрашивалась сама собой.

Я пригласил поучаствовать в экспедиции Мишку, а для чистоты эксперимента прихватил своего кота. Мы решили совместить полезное с приятным и просто отдохнуть на лоне нетронутой человеком природы дней двадцать. Времяпрепровождение в цивилизованных местах успело нам порядком надоест. Для проведения нашего пикника была выбрана удобная площадка в позднем плейстоцене⁸. С собой мы прихватили кучу разного барахла, необходимого для комфортного проживания, а также запас продовольствия на полгода (на всякий случай) и два десятка разнокалиберных стволов. Для контроля нашего состояния был куплен переносной компактный диагностический комплекс, из тех, что используются спасателями МЧС. В качестве контрольной

⁸ 15–20 тысяч лет назад.

группы на базе остался Горыныч. При свернутом «окне» его ожидание не должно превысить и секунды. Соскучиться он точно не успеет.

Скажу сразу: опыт удался. Процесс старения прекратился не только у нас с Мишкой, но и у моего кота. А принесенные из дома продукты не думали портиться в течение нескольких дней. Так, открытая банка свиной тушенки простояла свежей весь срок эксперимента. Живая и мертвая органика как бы консервировалась в чужом мире. Дальнейшие опыты установили, то же самое происходило и с неорганикой. Но как только пища оказывалась у нас в желудке, то совершенно стандартно переваривалась. Все происходящее не описывалось никакими физическими законами. Когда мы после возвращения доложили о результатах Горынычу, то он отреагировал на сообщение только одним словом: «Мистика!»

После этого опыта полностью изменилось наше отношение к прогулкам в прошлое. Если раньше мы старались проводить в других реальностях как можно меньше времени, ограничиваясь необходимым для выполнения операций, то теперь даже на отдых старались отправиться через рамку «окна» темпор-машины.

Не сговариваясь и не строя никаких конкретных планов, мы стали усиленно заниматься боевой подготовкой. На том милом холмике в плейстоцене, где проводился эксперимент, мы оборудовали постоянный лагерь. «Окно», ведущее туда, теперь вообще никогда не закрывалось, а только сворачива-

лось с той или другой стороны. Приятный мягкий климат, отсутствие поблизости крупных хищников и чистейшая вода, земля и воздух превратили наши тренировки в настоящий праздник. Учебная база состояла из трех двухместных палаток с надувными кроватями, большой палатки под кухню и столовую и палатки-склада, где разместилось оружие, снаряжение и продовольствие. Целыми днями мы пропадали на стрельбище, расходуя огромное количество патронов и гранат. Как ни странно, но лучшие результаты стал показывать я, служивший срочную в железнодорожных войсках. А вот «дикий гусь» Мишка и танкист Гарик хотя и стреляли достаточно метко, но приблизиться к моим достижениям не могли. Ведь я из простого «АКМ» с открытым прицелом попадал с двухсот метров в грудную мишень, а из «ПМ» навскидку с десяти метров – в спичечный коробок. Попасть из любого пистолета в подброшенную мелкую монету стало для меня обычным делом. На освоение стрельбы по-македонски у меня ушло две недели. Ребята удивлялись и завидовали, особенно Мишка, ведь он считался пулеметчиком-виртуозом. Я же относил свои успехи как раз к тому, что меня никто и никогда серьезно не учил, а моя меткость обусловлена тем, что в журналах для настоящих мужчин, типа «Солджерс оф форчун», называют «интуитивной стрельбой». Ведь я не задумывался, как целюсь, как нажимаю на спусковой крючок, задерживаю или не задерживаю дыхание. Для меня все было просто – увидел цель, вскинул оружие и выстрелил. Как вы-

яснилось гораздо позже – с определением причины чудесной меткости я очень сильно ошибался.

По вечерам три раза в неделю с нами занимался инструктор рукопашного боя. Этот мужик, работающий в одном из военных училищ, брал за час пятьсот долларов, но он того стоил. По средам мы занимались парашютной подготовкой, а по пятницам учились управлять легкомоторными самолетами и вертолетами в авиаклубе. Два раза в неделю по утрам занятия конным спортом. Утром понедельника – фехтование. И это все, не считая ежедневных трехчасовых упражнений на тренажерах. В промежутках между всем этим мы еще и на курсы иностранных языков ходили. Английский, немецкий, французский. С полным погружением в языковую среду.

Мы и думать забыли про алкоголь и курение. Перестали посещать дорогие рестораны и клубы. За несколько месяцев из рыхловатых, начинающих полнеть ребят мы превратились в крепких и жилистых мужичков. Лица загорели и обветрились, животы подтянулись, на указательном пальце правой руки и на костяшках кулаков – мозоли, на правом плече постоянный синяк от приклада. Нестерпимо хотелось применить полученные умения на практике. Длинными светлыми вечерами на Круглом холме (так мы стали называть наш лагерь в плейстоцене), сидя вокруг костра и поедая шашлык из парной говяжьей вырезки, мы до самой темноты спорили о мировой истории, истории России и о вмешательстве

в нее. Обсуждались самые невероятные варианты. Убийство Ленина, Сталина, Гитлера, Маркса, Чингисхана, Батыя, террористов-народовольцев. Спасение князя Святослава, князя Василька, императора Александра Второго, генерала Корнилова, адмирала Колчака. Гуманитарная и военная помощь Мстиславу Удалому, Дмитрию Донскому, генералу Врангелю.

Но неожиданный итог нашим дискуссиям подвел Игорь. В тот раз мы засиделись до рассвета. Вокруг холма просыпалась распуганная нашей вчерашней стрельбой живность. У реки трубили мамонты. Последней обсуждаемой темой была вертолетная атака на тумены Батыя во время битвы в 1238 году на реке Сити.

– Вспомнил тут кое-что. Ассоциативно, – сказал Горыныч, глядя на полоску зари. – Недавно видел, как мой дядька в «Казаков» играет. На самом низком уровне сложности. Набирает огромные отряды – по 120—200 юнитов. Подходит к вражескому городу. И останавливается. Начни он штурм – все было бы кончено за пять минут. А он стоит, выжидает. Ну, противник, понятно, периодически накапливает силки и атакует. Но его армии их отряды на один зубок. И вот стоит он, стоит, перемалывает живую силу противника. Я не выдержал и говорю ему: «Зачем ты по одному шелкаешь? Атакуй!» А дядька отвечает: «Ну вот люблю я бессмысленное насилие».

– И к чему ты это рассказал? – спросил я.

– А к тому, что все наши проекты – это тоже бессмысленное насилие, – ответил Игорь.

На этом разговор закончился, мы допили чай и разошлись по палаткам. А на следующий день, вернувшись в «Песочницу», Гарик собрал свое оборудование и уехал снимать фильм о Куликовской битве. А мы с Мишкой остались в Москве. Нас терзали смутные желания. Душа требовала немедленных действий.

Глава 7

Буквально на следующий день Мишка Суворов огорошил меня неожиданным предложением. Устроить этакую «экспроприацию экспропрированного». Ни много ни мало Суворов замахнулся на сокровища Алмазного фонда. Не думайте, что он с автоматом на груди и базукой на плече решил броситься на штурм хорошо охраняемого здания. Хотя этот вариант им тоже рассматривался. Покопавшись в Интернете, Мишка узнал, что во время Гражданской войны ценности, упакованные в простые ящики, лежали безо всякой охраны в подвале Большого Кремлевского дворца (не путать с Кремлевским Дворцом съездов). Мало того – про эти ящики все благополучно забыли. По слухам, ценности обнаружили совершенно случайно, во время простого обхода в 1924 году.

Таким случаем было грех не воспользоваться. И Бэдмен стал разрабатывать операцию. Самым простым было бы подогнать нашу «газельку» к заднему входу во дворец, открыть «окно» и спокойно перетаскать ящички в машину. Но в наше время въезд на территорию Кремля был, естественно, запрещен. Вторым вариантом было высадиться в городе, поближе к каким-нибудь воротам, ну, например, у Кутафьей башни. Время выбрать – октябрь 1917 года. Тогда, пользуясь беспорядками во время уличных боев и штурма Кремля революционными солдатами и рабочими, проникнуть в подвалы и

вынести, что сможем. Но тут слишком велик риск нарваться на шальную пулю, да и добычи много не возьмешь.

И мы решили произвести вылазку в январе восемнадцатого года. Во-первых, в Москве установилась относительная тишина. Во-вторых, советское правительство еще не переехало из Петрограда, а стало быть, Кремль – не режимный объект. В-третьих, зима в тот год выдалась морозной, и, значит, мало кто из охраны станет бродить по территории по собственной инициативе. А расположение стационарных постов мы быстро вычислили во время нескольких экскурсий по Кремлю с «глазком» на плече. Внимательно просмотрев отснятые материалы, мы с Мишкой разработали детальнейший план.

Для его осуществления нам потребовалось два комплекта полувоенной формы, в которой тогда ходила половина мужского населения страны. Сначала мы хотели идти в солдатских шинелях и папахах. Но от этого обмундирования пришлось отказаться, ведь в длиннополой одежде неудобно бегать. Затем мы прорабатывали вариант «под рабочих» – пальто из низкосортного драпа до колен и заячьи треухи. Но в такой одежде нам бы не хватило солидности, какой мандат ни показывай. Я в шутку предложил закосить под «революционных матросов», но эта публика вряд ли получила в сухопутной Москве широкое распространение. Наконец мы остановились на типе «красный командир» – потертые яловые сапоги, короткие полушубки, разномастные галифе и су-

конные фуражки с жестяной красной звездочкой, а чтобы не отмерзли уши – башлык. Из оружия открыто повесили офицерские самовзводные «наганы». А под полушубком я подвесил два «АПС», а Мишка «ПМ» и «АКСУ». Да еще и штык-ножи в голенищах сапог.

Следующим, после одежды, камнем преткновения стал транспорт. Сначала планировали въехать в Кремль на лошадях (на белых лошадях, – съязвил Мишка), но на одной лошади много не вывезешь. Не брать же с собой целый караван. Потом мы рассматривали вариант с телегой или санями. Но искомые объекты нужного вида могли обнаружиться только в краеведческом музее города Мухоморска. А современные поделки на автомобильных колесах и с рессорами от «ГАЗ-53» нас не устраивали по причине конспирации. К тому же транспорт должен был быть маневренным и скоростным на случай погони. Но мотоцикл опять-таки не обеспечивает нужной грузоподъемности. Так что решение воспользоваться автомобилем созрело достаточно быстро. А ведь автомобиль кроме скорости, маневренности и грузоподъемности обладал еще одним большим плюсом – в случае непредвиденных боевых действий он может стать отличной защитой. Достаточно просто сделать машину бронированной.

Я сгоряча предложил воспользоваться бронированным «Геленвагеном» из коллекции Игоря. Но тут же сам сообразил, что в восемнадцатом году эта машина будет выглядеть странно, несмотря на то, что по дорогам России в это

время бегали автомобили всевозможных марок.

После долгих раздумий мы с Мишкой приняли концепцию: «транспорт для силовых акций». Автомобиль, своим внешним видом не вызывающий особого удивления в России в 1915—1950 годах. Но начинка должна была соответствовать самым современным для базового времени технологиям. Для его постройки была выбрана полуразорившаяся, но оснащенная наиболее современным оборудованием тюнинговая фирма. Инженеры и рабочие готовы были разорваться от усердия. И изделие, вышедшее из их рук, было просто удивительным.

Внешне автомобиль был почти точной копией «ЗИС-101», но при сохранении пропорций значительно вырос объем салона и увеличился моторный отсек. По сути, машина являлась скоростным вседорожным броневиком повышенной комфортности. Корпус машины выполнен из алюминиевого сплава и усилен изнутри титановыми пластинами. Шасси – полноприводное, двигатель – турбодизель, мощностью в триста «лошадей». Многокамерный протектированный топливный бак на сто двадцать литров. Кузов смонтирован на стальной раме, бампер – таранный, прикрытый для маскировки фальшбампером. Там же спрятана мощная лебедка. Стекла переменной прозрачности из двухсантиметрового многослойного поликарбоната. Компрессор для автоматического поддержания давления в шинах. Днище полностью закрыто сплошным гладким листом из угле-

пластика, армированного титановым профилем. Не забыли и про отделку салона. Кожаную обивку стенок и кресел имитировал негорючий пластик. Сами сиденья только формой напоминали штатные, а по сути являлись шедеврами технической мысли – с вентиляцией и обогревом, с сервомоторами и дистанционным управлением. К тому же задние сиденья складывались, втрое увеличивая емкость багажника. В многочисленных тайниках можно было спрятать два десятка стволов и около тридцати килограммов боеприпасов. Ну и понятно, такие мелочи, как: гидроусилитель руля, кондиционер, бортовой компьютер, электростеклоподъемники, фронтальные и боковые подушки безопасности. Естественно, что все детали, не соответствующие уровню начала и середины двадцатого века, были надежно скрыты, а нештатные переключатели и кнопки в салоне замаскированы. От курсовых пулеметов и встроенных ракетных установок мы, после некоторого раздумья, отказались.

Впечатленный этим чудом техники, я предложил присвоить нашему транспортному средству личное имя. После небольшого совещания мы остановились на варианте «Росинант», именно потому, что наш автомобиль совершенно не напоминал клячу Дон Кихота. Однако в процессе общения «гордое» имя часто сокращалось до простого «Росси».

Следующим пунктом нашей подготовки стало изготовление документов. Мишка подключил к компьютеру электрическую печатную машинку. А чтобы воспроизвести эффект

плохо пропечатанных и западающих букв, слегка подточил некоторые литеры. Факсимиле известных политических деятелей и печати советских госучреждений прекрасно воспроизводились лазерным принтером. А изготовить эти подписи и печати можно было в «Фотошопе». Теперь мы могли получить любые мандаты за подписью хоть Ленина, хоть Троцкого, хоть Господа Бога. Да еще и с приложением соответствующей печати. Бумагу для документов сначала хотели взять оберточную, но потом решили, что для приехавших из Петрограда товарищей это будет несолидно. Поэтому воспользовались самой дешевой писчей.

Стиль документов выдерживали по образцам, взятым из архивов. Первая бумага гласила, что товарищи Иванов и Суворов (мы специально оставили свои фамилии) направлены в Москву для поиска подходящих для размещения советского правительства помещений. Всем комитетам и госучреждениям оказывать всяческое содействие. Подпись предсовнаркома – Ульянова-Ленина. Второй мандат рассказывал о том, что товарищи Иванов и Суворов под видом поисков помещения выполняют секретное поручение Всероссийской коллегии по организации и формированию Рабочее-крестьянской Красной Армии. Подпись председателя Коллегии – Подвойского⁹

⁹ Подвойский Николай Ильич (1880—1948) – советский партийный и военный деятель. С ноября 1917-го по март 1918-го – Народный комиссар по военным и морским делам РСФСР. Сменен на этом посту Л. Троцким. Должность Председателя Всероссийской Коллегии по организации и формированию РККА зани-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.